

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ОПЕРАТИВНОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

АнтиГалон

В закоулках Мироздания - 12

В закоулках Мироздания

Александр Михайловский
Оперативное вмешательство

«Автор, Автор»

2021

Михайловский А. Б.

Оперативное вмешательство / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор», 2021 — (В закоулках Мироздания)

После Второй битвы на реке Шахэ и морского сражения при Эллиотах Русско-японская война пошла на перелом. Японский флот на дне, армия разгромлена. Всего две недели понадобилось Великому Князю Артанскому Серегину, чтобы отбросить страну Восходящего Солнца от предчувствия неминуемой победы в пучину неизбежного поражения. Но это не конец, а только начало большой игры. Император Николай, отрекаясь от престола, передает своему брату страну далеко не в лучшем состоянии. Каким образом Серегин поможет молодому императору Михаилу справиться с предреволюционной ситуацией в России и одновременно отразить поползновения других крупнейших мировых держав, желающих ослабления и унижения России? Сможет ли он найти общий язык со здоровой частью революционного движения и объяснить закосневшим в своей спеси представителям господствующих классов, что так более жить нельзя? В оформлении обложки использован фрагмент картины художника Войцеха Коссака «Кровавое воскресенье», написанной в 1906 году.

© Михайловский А. Б., 2021

© Автор, Автор, 2021

Содержание

Часть 45	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Оперативное вмешательство

Часть 45

Шестьсот одиннадцатый день в мире Содома. Вечер. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Не успели отгреметь залпы второй битвы на реке Шахэ и морского сражения при Эллиотах, как запахом паленого потянуло совсем с другой стороны – точнее, сразу с двух. Во-первых – неурейства случились на северных берегах Финского залива в Гельсингфорсе, где Финляндские Сейм и Сенат отказались присягать на верность императору Михаилу Второму. Во-вторых – не успел я вернуться с морского побоища в свою штаб-квартиру в Тридесятном царстве, как энергооболочка сообщила мне, что библиотекарь Ольга Васильевна испрашивает у меня аудиенции. Вообще-то она самый тихий и незаметный член нашей команды, никогда не жалуется и ничего не просит. Поэтому я решил сам заглянуть к ней в библиотеку. И не пожалел.

– Сергей Сергеевич, – сказала мне она, – извините, я, наверное, отвлекла вас от важных военных дел, но, если календарь мне не врет, то со дня на день в Баку должна разразиться всеобщая стачка, вызванная скотскими условиями труда на местных нефтепромыслах и грошowymi зарплатами рабочих. А местные власти – бакинский губернатор Накашидзе и кавказский генерал-губернатор Голицин – не придумают ничего лучше, как перевести классовую борьбу в русло межнациональной вражды, из-за чего в Баку и окрестностях случится первая в истории армяно-азербайджанская резня. Не кажется ли вам, что проще затоптать тлеющие искры, чем потом тушить разгоревшийся пожар?

И тут меня торкнуло. Еще немного, и мне стало бы невыносимо стыдно не только перед Небесным Отцом, но и перед самим собой – за то, что мог предотвратить абсолютно ненужное смертоубийство, но не сделал этого.

– Благодарю вас, Ольга Васильевна, за напоминание, – ответил я, – в самом деле, правда ваша, замотался за военными делами и забыл о сем прискорбном факте, а может быть, и вовсе о нем не ведал, ибо мои прежние интересы лежали вне плоскости изучения истории революционного движения. Но могу вас заверить, что теперь я не только приму все меры для того, чтобы затоптать искры и отобрать у дрянных мальчишек спички, но и сделаю все, чтобы выдернуть у поджигателей руки, засунув их в такое место, которое настоящий офицер никогда не упомянет в дамском обществе.

19 (6) декабря 1904 год Р.Х., день пятнадцатый, утро. Санкт-Петербург, Зимний дворец.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Пришлось, позабыв про отдых, через портал явиться в Зимний дворец, ибо времени лететь в Санкт-Петербург на штурмоносце уже не было. И если о финских безобразиях император Михаил уже знал, и даже успел издать указ об аннулировании автономии Великого княжества Финляндского и непосредственном включении его территории в состав Российской империи на правах отдельного генерал-губернаторства, то о том, что должно случиться в Баку, мой протеже пока был ни сном, ни духом.

С вздумавшими побунтовать маленькими, но гордыми чухонскими националистами (а на самом деле шведскими элитариями) все было предрешено и без меня. Гарнизон Свеаборга и русской военно-морской базы принес присягу Михаилу и держался прочно, а Финляндским

генерал-губернатором новый император назначил небезызвестного в нашей истории душителя свободы вице-адмирала Дубасова. Войска для сухопутной операции по подавлению мятежа уже сосредотачиваются в Выборге, и скоро все в Финляндии будет кончено самым жестким и решительным образом. Как говорит Ольга Васильевна, адмирал Дубасов – это такой кадр, который в нашем прошлом при подавлении первой русской революции в Москве доходил даже до расстрелов на месте всех, кого схватили с оружием в руках. Зная, во что в дальнейшем эволюционирует финское так называемое «национально освободительное движение», я бы тоже ничуть не возражал против применения самых жестких мер, но этому препятствовали некие особые соображения.

– Расстрел на месте крайне нежелателен, – в присутствии адмирала Дубасова сказал я Михаилу, – особенно против непосредственных руководителей мятежа. Этих людей сначала следует допросить на предмет установления их местных сообщников, а также связей с иностранными державами. И только потом должен состояться большой публичный процесс против мятежников, на котором всех зачинщиков и поджигателей, без различия пола, возраста и общественного положения, следует приговорить к смертной казни за государственную измену. Приводить приговор в исполнение нужно также публично, чтобы все желающие поболтать на разные политические темы могли видеть, к чему их может привести неразумное поведение. А что касается простонародья, затянутого в жернова своими вождями, то всем им, оптом, следует заменить смертную казнь десятью годами каторги. Пусть достраивают Транссибирскую магистраль и прокладывают дороги в меридианальном направлении.

С адмиралом мы прежде лично знакомы не были, и знал он меня только опосредованно, по бродившим в петербургском «обществе» разнообразным слухам, а потому слушал мои слова, скептически скривив губы.

– Сергей Сергеевич, неужели вы думаете, что эти злодеи прямо как на духу выложат вам все о своих сообщниках и иностранных доброхотах, снабжавших их оружием и деньгами? – с недоверием спросил он.

Я ответил:

– Мне, Федор Васильевич, в силу моих особых возможностей, они выложат не только то, о чем знали, но и то, о чем догадывались или подозревали. Если у меня способы превратить самого скрытного человека в некое подобие болтливой попугая, так что он начнет выблевывать перед следователями самые сокровенные свои тайны.

– Говоря так, вы имеете в виду отрока Димитрия и его особые возможности? – с явным интересом спросил Михаил.

– Именно, – подтвердил я, – если будет недостаточно «Полного Откровения», то можно будет применить «Муки Совести». Правда, такое сильное средство я предпочел бы придержать до суда. Сорную траву недостаточно просто скосить, ее следует выдергивать с корнем, чтобы не было ее больше никогда в Российской империи. Там, в мире моей супруги, вашему брату-близнецу в установлении истины помогали опытные специалисты из числа «старших братьев». Но у меня в команде нет ни опытных контрразведчиков моего времени, ни возможности положить свою жизнь на то, чтобы привести в порядок этот мир, большой предчувствием двух великих общеевропейских войн, по сравнению с которыми события столетней давности покажутся просто летними маневрами. А посему, вознаграждая добрых и карая злых, я не стану стесняться в средствах, и горе тому государству, которое силой оружия попытается вмешаться во внутренние дела Российской империи.

– Федор Васильевич, – вздохнул Михаил, – не смотрите на Сергея Сергеевича с таким недоверием. Он может и не такое, хотя далеко не все станет приводить в исполнение. Большую часть работы нам предстоит проделать самим, он только поможет нам одолеть то, что сейчас является неодолимым, но и откладывать на будущее эти дела нельзя. Поэтому я прямо запрещаю вам проводить хоть какие-то экзекуции, а всех арестованных и взятых в плен с оружием

в руках приказываю направлять к нам в Петербург. А мы тут за это время из верных (*главное слово*), и в то же время умных офицеров организуем нечто вроде приказа Тайных дел времен императора Петра Великого. Как оказалось, без подобного учреждения немислимо существование никакого государства.

Адмирал Дубасов ушел, и тогда я рассказал Михаилу о заварухе, что в настоящий момент вызревает в Баку. А все потому, что там в одной точке сошлись голодная нищета рабочих; безудержная алчность нефтепромышленников, перегоняющих на прибыли живых людей, политические амбиции революционеров, а также патологическое тупоумие местных крупных чиновников, играющих со спичками возле взрывоопасного национального вопроса. Если бы я рассказал это же его старшему брату, Николай от меня бы просто отмахнулся, ведь всего полтора года назад он, не задумываясь, подписал закон о конфискации имущества Армянской апостольской церкви и закрытии армянских школ, пролоббированный кавказским генерал-губернатором Голицыным. Тогда одним росчерком пера был нанесен жесточайший удар по лояльности армянского населения, которое прежде видело в Российской империи защитницу своих интересов перед лицом хищного и безжалостного Османского государства. И вот в один момент все перевернулось с точностью до наоборот.

Но Михаил, напротив, услышав мой рассказ, крайне встревожился. Ему совсем не хотелось начинать свое царствование с армяно-азербайджанской резни и жестокого классового конфликта, доставшихся в наследство от брата.

– Так что же теперь, Сергей Сергеевич, делать? – спросил он. – Бог с ними, с финнами – нечто подобное, как я понимаю, в Гельсингфорсе произошло бы при любой перемене царствования. Тамошняя, как у вас говорят, элита давно уже зажралась и, не особо скрываясь, мечтала о самостоятельном существовании или даже о возвращении в состав единокровной¹ им Швеции. При этом ничего подобного описанному вами Мы в Баку допустить не хотим, да и просто не имеем права.

– Первым делом, – сказал я, – необходимо отменить тот дурацкий закон, и с извинениями вернуть армянской церкви все у нее конфискованное. Затем нужно решительно со всей возможной поспешностью вскрыть уже созревший нарыв и вычистить его, не останавливаясь даже перед самыми радикальными средствами. Разумные требования рабочих следует удовлетворить, алчность промышленников ввести в рамки закона, который вам, Михаил, еще предстоит составить, а дураков-чиновников заменить на вменяемых администраторов, нацеленных на укрепление внутреннего мира в Империи, а не на разжигание свар. Политика «разделяй и властвуй» ущербна в самой своей основе; кстати, вы должны помнить, что сказано по этому поводу в Библии.

– Помню, Сергей Сергеевич, – с серьезным видом ответил Михаил, – царство, разделившееся внутри себя, не устоит.

– Вот именно, – сказал я, – именно поэтому в моем личном прошлом и в прошлом некоторой части моих офицеров не устояла Империя вашего брата Николая, рухнувшая под тяжестью внутренних проблем. Ведь даже неудачи на фронте, которые, казалось бы, и были причиной ее краха, на самом деле проистекали из поразивших государственный организм чисто внутренних неустойчивостей.

– Я вас понимаю, – сказал Михаил, – и сожалею, что не могу лично броситься в Баку разгребать тамошние авгиевы конюшни. Ведь стоит мне на какое-то время оставить позицию в Зимнем дворце, как уже тут может созреть какой-нибудь заговор, вроде декабристского. Очень многие в наших высоких кругах связывали свое будущее благополучие с фигурой моего дяди Владимира Александровича, и еще большее число людей являются сторонниками бездумной

¹ на начало двадцатого века большая часть финской аристократии и интеллигенции по происхождению была этническими шведами.

ориентации на французские интересы, что я намерен пресечь в самое ближайшее время. А у меня и Тайной канцелярии еще нет, я только начал собирать ее из тех своих Верных, которые имеют к госбезопасному делу определенные наклонности. Не будете ли вы так любезны побыть какое-то время моим полномочным представителем? Соответствующий карт-бланш на все необходимые действия я вам выдам.

На этом мы и договорились. Я отбыл из Зимнего дворца, имея на руках страшную бумагу, вроде той, что в «Трех мушкетерах» кардинал Ришелье вручил миледи. Только мой карт-бланш был именованным, и, попади он в чужие руки, ценность его упадет до уровня туалетной бумаги. Но это было еще не все. Также, не колеблясь, Михаил приказал секретарю написать указ об отмене решения его брата конфисковать имущество Апостольской армянской церкви, и один из трех экземпляров этого документа тоже был у меня с собой. Но из Зимнего дворца направился я не в Баку (одному там делать нечего), а... в Порт-Артур, гарнизон которого после разгрома осадной японской армии выпал из активных боевых действий.

20 (7) декабря 1904 год Р.Х., день шестнадцатый, утро. Порт-Артур, ресторан «Ласточка».

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Имея на руках карт-бланш, я имел право привлечь к выполнению поставленной задачи кого угодно и на каких угодно условиях. Если мне придется отстранять от власти господина Накашидзе, то на его место надо ставить вменяемого ответственного человека. Если ставить русского – то окажется, что он не знает местной специфики, ставить армянина – ему не будут доверять азербайджанцы, ставить азербайджанца – ему не будут доверять армяне. Единственный выход из такой ситуации – временно, пока не разрядится обстановка, поставить на управление Бакинской губернией дуумвират из уважаемого губернатора-азербайджанца и его товарища (заместителя), не менее уважаемого армянина. И как только я об этом подумал, на ум пришли два Порт-Артурских артиллериста: генерал-майор Самедбек Садыкович Мехмандаров и полковник Иссаак Артемьевич Тахателов. Первый – азербайджанец, второй – армянин, оба одновременно стали моими Верными, а потом перешли под руку Михаила. А потому на их содействие в этом деле я могу рассчитывать с полной гарантией.

Но первым делом в Порт-Артуре я явился в штаб крепости к генералу Кондратенко. Задание заданием, а армейские политесы соблюдать требуется. Прежде чем разговаривать с Мехмандаровым и Тахателовым, вне зависимости от своих полномочий, необходимо поставить об этом в известность их непосредственного начальника.

Роман Исидорович внимательно прочитал предъявленную бумагу, выслушал мою просьбу, а потом, на мгновение задумавшись (в на самом деле мысленно посоветовавшись со своим патроном Михаилом), ответил, что в любой момент готов предоставить этим двум господам бессрочный отпуск по личным обстоятельствам. Пусть только они сами об этом попросят.

Обоих нужных мне людей я обнаружил не на квартирах, а, к своему величайшему удивлению, в ресторане «Ласточка», считавшемся местом, приличествующим не сухопутным, а морским офицерам. У «сапогов» вроде меня для принятия пищи и банкетов в Порт-Артуре имелось свое заведение – ресторан «Саратов». Но как оказалось, все правильно: недавно на внешнем рейде бросила якоря победоносная русская эскадра, и теперь сухопутное и морское офицерство вперемешку шумно отмечало громкие победы при Эллиотах и на реке Шахэ. Стоило мне там появиться – и главный именинник, каперанг Эссен, громко рявкнул на все собрание:

– Господа офицеры, смирно! Самовластному Артанскому князю, Сергею Сергеевичу Серегину – наше дружное «Ура!»

И что вы думаете – все собрание дружно вскочило и рывкнуло – да так, что зазвенели стекла! Было видно, что этим людям кружит головы отнюдь не вино, а хмельной вкус победы, которого им так не доставало в предшествующие времена.

– Вольно, господа, – сказал я, – поздравляю вас с наступлением окончательного перелома в этой войне. Сейчас подавляющая часть тех сил, которые еще год назад микадо приготовил для того, чтобы оспорить у России звание главной Тихоокеанской державы, уже лежат в земле или покоятся на морском дне. Япония сейчас оказалась в том же положении, что и Франция тридцать пять лет назад после выигранной пруссаками битвы при Седане. Но смею заметить, что японский микадо решился на эту войну не сам по себе. Враждебные России державы выдали нищей Японии кредиты на создание современных армии и флота, а потом науськали свою боевую моську на русского медведя.

– Господин Серегин, – выкрикнул со своего места поручик Борейко, легко узнаваемый по своим выдающимся габаритам, – а какие державы России враждебны?

– Проще сказать, какие ей дружественны, господин поручик, – ответил я, – и ответ на это вопрос будет – никакие.

– А как же Франция? – спросил инженер Рашевский.

– А никак, – отрезал я. – Об этом говорит правило «двадцати четырех часов»² введенное в своих портах к востоку от Коломбо для русских кораблей якобы союзной нам Францией. Заклучая союз с Россией, французское правительство ставило себе только одну цель – когда настанет удобный момент, руками русских солдат попробовать вернуть себе утраченные тридцать четыре года назад Эльзас и Лотарингию. Кто-нибудь из вас желает повоевать за интересы французских буржуа, изнеженных будто откормленные каплуны?

– В таком случае я назову вам Болгарию, Сербию и Черногорию! – снова выкрикнул поручик Борейко.

– Ну какие же это державы? – с улыбкой спросил я. – А Болгария к тому же формально является вассалом Оттоманской Порты, а неформально – Австро-Венгерской империи. Сербов и черногорцев я при этом всемерно уважаю, потому что нет народов в мире храбрее их, но братушек так мало, что они даже при своем полном желании в ходе серьезного европейского конфликта не смогут оказать России никакой серьезной помощи. Напротив, России придется спасать сербов, пробиваясь к ним на выручку через территорию Австро-Венгрии. Но худшее заключается в том, что в сербских провластных кругах сейчас бродят мысли о присоединении к Сербии территорий всех славянских народов на Балканах и создании Великосербской империи. Задача дурацкая, потому что эти самые народы отнюдь не желают попадать под власть Белграда, и нереалистичная – оттого, что сербов слишком мало, чтобы достичь этой цели. Большую войну в Европе таким образом устроить можно, а добиться создания хоть сколько-нибудь устойчивого государства – уже нет. Даже если ценой ужасающих жертв сербского народа такое государство и удастся сколотить, то через поколение или два оно с грохотом будет разорвано нарастающими межнациональными противоречиями.

– Так что же, Сергей Сергеевич, вы, с вашими возможностями, бросите сербов на произвол судьбы? – спросил инженер Рашевский.

– Нет, не брошу, – сказал я, – но речь сейчас шла не обо мне, а о Российской империи. И вообще, мое дело – не решать за вас ваши мелкие проблемы, а поставить Российскую империю в такие условия, чтобы она сама могла быстро развиваться и оказать помощь всем, кто смотрит в ее сторону с надеждой. Так что готовьтесь, господа. Спокойное и тихое время кончилось, и большинству из вас еще придется повоевать не раз и не два. Но сейчас я пришел к вам с совершенно конкретной целью – чтобы похитить из ваших рядов двух уважаемых мною людей: гене-

² в случае объявления такого правила корабль воюющей державы мог оставаться в нейтральном порту не более чем двадцать четыре часа, по истечении которых он должен был или покинуть порт, или интернироваться.

рала Мехмандарова и полковника Тахателова, и переговорить с ними об одном очень важном государственном деле, не терпящем отлагательств. Государственным для Российской империи, а не для меня лично, ибо все свои дела я решаю без посторонней помощи.

И что вы думаете – и тот и другой встали и пошли за мной, не говоря не слова. Не то что некоторые интеллигенты, которые непременно замучили бы меня вопросами.

Шестьсот двенадцатый день в мире Содома. Утро. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Из Порт-Артурской «Ласточки» мы шагнули прямо на площадь Фонтана. Яростное солнце только-только оторвалось от горизонта, так что температура воздуха была еще вполне терпимой, не то что в полдень, когда без работающего кондиционирующего заклинивания и на улицу-то выйти страшно. Но все равно произошедшее немало шокировало обоих моих гостей. Одно дело слушать рассказы о том, как Артанский князь шагает через миры «одна нога здесь, другая уже там», и совсем другое – самому за один шаг очутиться незнамо где и незнамо когда.

– Сергей Сергеевич, это Великая Артания? – спросил меня полковник Тахателов.

– Нет, Исаак Артемьевич, – ответил я, – это другое мое владение – не титульное, но имеющее стратегическую важность. Тут наша штаб-квартира, тут мы набираем и тренируем своих универсальных солдат. Все в этом месте пропитано высшей магией. И фонтан, на который вы сейчас смотрите – это не просто украшение архитектурного ансамбля, а источник Живой Воды, позволяющей нам в кратчайший срок возвращать в строй раненых воинов. Если вас притащат сюда смертельно израненного, но еще живого, наши специалисты не только сохранят вам жизнь и вернут в строй, но и полностью избавят от последствий ранения. У меня, знаете ли, есть принцип, что все мои люди должны иметь все самое лучшее, в том числе и медицинскую помощь. И то же самое правило распространяется на всех, кто бьется за Россию – неважно, из каких времен он происходит и какого монарха считает своим государем. По-другому я просто не умею. Но идемте же в мой кабинет, разговор не ждет.

– Идемте, мне и самому интересно, о чем мы с вами будем говорить, – сказал полковник Тахателов.

– Да, – сказал генерал Мехмандаров, – мне тоже не терпится узнать, какое государственное дело могло потребовать нашего участия, да еще и вдвоем...

В моем кабинете я первым делом пригласил гостей садиться, после чего продемонстрировал им императорский карт-бланш, а полковнику Тахателову еще и императорский указ о возвращении Апостольской армянской церкви отнятого у нее имущества, а затем подробно изложил подоплеку грядущих Бакинских событий, закончив такими словами:

– И если сто лет спустя в этом мире армяне будут убивать азербайджанцев, а азербайджанцы армян, то виновны в этом будем мы, не сумев предотвратить того, с чего все началось.

Оба моих гостя переглянулись.

– И вы, Сергей Сергеевич, хотите, чтобы мы помогли вам урегулировать этот скользкий национальный вопрос? – спросил генерал майор Мехмандаров.

– Не мне, а себе, Самедбек Садыкович, – ответил я. – Вам и вашим детям в этом мире еще жить, а я пойду дальше. Я, конечно, могу справиться и сам, но сопротивление тогда будет больше, а вместе с ним возрастет и мера насилия. Михаила Александровича, собственно, устроит любой исход этого дела, лишь бы на какое-то время, пока он берет вожжи в свои руки, на Кавказе установилось всеобщее согласие.

– Ну хорошо, – кивнул полковник Тахателов, – предположим, господина Накашидзе вы отстраните и в силу своих драконовских полномочий назначите нас вдвоем исполнять его обязанности. Возможно, беспорядков на национальной почве в таком случае не произойдет. Но что делать с рабочими, требования которых неисполнимы для владельцев нефтепромыслов?

– Неисполнимы? Ой ли? – сказал я. – А если я пришло к вашим нефтяным нуворишам своего казначея, и она на пальцах докажет, что владельцы нефтепромыслов не только жрут в три горла, но еще двумя руками запихивают себе за щеки, в то время как их рабочие трудятся до изнеможения, питаются впроголодь, к тому же живут в таких помещениях, куда хороший хозяин постеснялся бы загнать отару баранов?

– «Она»?! – тряхнув бородой и недоуменно вытаращившись, переспросил генерал Мехмандаров. – Ваш казначей женщина?

– Да, женщина, – подтвердил я, – мисс Мэри Смитсон, американка из верхнего, на сто лет вперед по отношению к вам мира. А еще она – высокоранговый маг богатства, и насквозь видит разных жирных котов, притворяющихся бедными овечками. У меня, как видите, все самое лучшее, а не только солдаты и доктора. А вот, кстати, и она. Привет, Мэри!

Оба моих гостя синхронно обернулись и увидели нашу магиню богатства Мэри Великолепную, которую деловые партнеры частенько кличут Рыжей Стервой. Темно-зеленое длинное платье гармонировало с рыжими волосами и висящей в разрезе декольте слабо светящейся подвеской-топазом; легкий церемониальный меч на поясе завершал композицию. Важная и очень уверенная в себе особа; из-за спины ее выглядывает немного испуганная девочка-служанка в сером платье, держа в руках ридикюль хозяйки. Мгновение – и Мехмандаров с Тахателовым, будто подброшенные пружинами, вскочили со стульев, галантно раскланиваясь с вошедшей дамой. Вот чего не отнять у местных господ офицеров, так это воспитания.

Мэри ответила на эти поклоны приветливым кивком, а потом перевела взгляд на меня.

– Здравствуйте, Сергей Сергеевич, – сказала она грудным голосом. – Вы меня вызывали?

– Да Мэри, – ответил я, – вызывал. Но сначала позволь представить тебе моих гостей: генерал-майора Самедбека Садыковича Мехмандарова и Исаака Артемьевича Тахателова – как говорится, прошу любить и жаловать.

– Очень приятно, господа, – ответила Мэри, – я Мэри Смитсон, работаю в этой корпорации начальником финансовой службы и главным казначеем. А теперь давайте не будем мешкать, сядем и приступим к делам. Ну-с, Сергей Сергеевич, я вас слушаю.

– Вам предстоит отправиться со мной на выездное задание, – сказал я. – Несколько весьма состоятельных господ в мире, где я сейчас оперирую, так урезали денежное содержание своих рабочих, что это грозит неминуемым социальным взрывом. Я хочу знать, что стало тому виной: банальная алчность или проблемы местной финансовой системы.

– Сразу скажу, – ответила наш главный финансист, – что пока вы там воевали с японцами, я по собственной инициативе решила изучить, как обстоят финансовые дела в местной России, и по результатам своего расследования пришла в тихий ужас. Человека, который в индустриальную эпоху придумал вводить золотой стандарт, из финансистов надо гнать палками. Или, наоборот, хватать руками без соблюдения мер вежливости и тащить в подвал к герру Шмидту на предмет выяснения, в чьих интересах была проделана такая глупость.

– Но почему, сударыня? – воскликнул генерал Мехмандаров. – Твердый золотой рубль – это очень хорошая вещь!

– Лично для вас – да, – парировала Мэри, – а вот для государственных финансов и для тех, кто занимается производством товаров – отнюдь. В первую очередь, потому, что количество золота в обороте невозможно увеличивать с той же скоростью, как может расти производство товаров. А урезание или невыплата денежного содержания наемным работникам усугубляет эту проблему, поскольку как раз эти люди и должны составлять основную массу покупателей. Из-за этого в вашей стране не имеет смысла строить новые заводы и фабрики, а продукция тех, что уже построены, не находит сбыта, поскольку у желающих купить эти товары просто нет денег или их недостаточно. В результате этих процессов замедляется общее промышленное развитие, и государство оказывается в критической зависимости от импорта товаров из-за границы. Я, конечно, посмотрю ваш конкретный случай, но должна сказать, что

проблему нехватки денег в государстве надо решать на самом высоком уровне, и совсем не в форме займов у иностранных банкиров.

Полковник Тахателов хотел что-то сказать, но я его опередил:

– Господа, – решительным тоном сказал я, – сейчас нет времени для экономических дискуссий, тем более что вы в этом вопросе не специалисты. Поручение вашего государя-императора следует выполнить как можно скорее. А посему давайте ближе к делу.

– И что, мы отправимся на это задание прямо так, вчетвером? – спросил генерал Мехмандаров. – Или вы возьмете с собой своих головорезов, ибо на тамошний бакинский гарнизон и жандармов в плане содействия надежды мало?

– Возьму, – сказал я, – но не своих, точнее, не только своих: у меня сейчас здесь из ваших выздоравливающих после ранений солдат и офицеров можно составить до батальона включительно – вот их мы и возьмем, тем более что воевать там им не придется. Командиром этого батальона предлагаю назначить подполковника пограничной стражи Бутусова. А мои бойцы числом до пары взводов пусть будут в качестве усиления на самый тяжелый случай...

– Сергей Сергеевич, – вдруг сказала Мэри, – в качестве усиления возьмите своих первопризывных амазонок, всю роту – ибо, как говорил ваш полководец Суворов, «удивить – значит победить».

– Амазонок?! – переспросил генерал Мехмандаров, приподняв брови.

– Самедбек Садыкович, вы мадмуазель Аеллу помните? – спросил я. – Так вот, у меня таких воинствующих девиц ровно сотня, а первопризывными их зовут за то, что они первыми присоединились к моему воинству и дали клятву верности. – Немного подумав, я добавил: – Кстати, Мэри, это отличная идея. Так мы и сделаем.

– Да вы, Сергей Сергеевич, собираетесь на это дело так, будто и в самом деле готовитесь штурмовать вражеский штаб, – усмехнулся полковник Тахателов. – Я уже начинаю бояться за тамошних чиновников и господина Накашидзе – останутся ли в губернском управлении вообще живые после вашего нападения...

– Ни с чьей головы не упадет ни один волос, – сказал я, – это я вам обещаю. А амазонки нужны как раз для того, чтобы ни одна буйная голова даже не вздумала оказать сопротивление. С моей точки зрения, которую разделяет и ваш новый император, господин Накашидзе – это не просто дурак, находящийся не на своем месте, а государственный преступник, действовавший в интересах иностранных держав, и его деятельность необходимо расследовать со всем тщанием. А помощников нынешнего губернатора надо разделить на тех, кто просто выполнял начальственные указания, и тех, кто сознательно разжигал смуту. Невинные останутся на своих местах и продолжат работать вместе с вами, ибо без чиновников невозможно никакое государство, а вторые, вместе со своим начальником, поедут в Санкт-Петербург под светлые очи вашего государя. И мало им тогда, знаете ли, не покажется. А сводный батальон, когда я покину Баку, останется в вашем распоряжении, ибо мало ли какие могут случиться рецидивы.

Тахателов с Мехмандаровым снова переглянулись, и согласились с предложенной диспозицией, после чего началась лихорадочная деятельность по сколачиванию сводного батальона.

20 (7) декабря 1904 год Р.Х., день шестнадцатый, вечер. Воздушное пространство над Баку.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

В набег на Баку мы пошли не через портал (еще чего не хватало), а на транспортном челноке с «Неумолимого», команду которого составляли выученные моей женой кадетки из юных бойцовых лилиток, мясных и волчиц. Помимо Мехмандарова и Тахателова (дополнительно подготовленных, походом в библиотеку к Ольге Васильевне на предмет ознакомления с грядущими событиями) и нашего финансового гения мисс Мэри, меня сопровождали Дима Колдун, а также мои адъютанты Профессор и Матильда. А вот Кобру я попросил остаться: не стоило

тащить мага Огня в такое пожароопасное место, как Баку, ну и к тому же ее импульсивность могла бы мне дорого обойтись. Отрубит с ходу голову кому-нибудь не тому – и гадай потом, какие были в ней мысли, пока она не отделилась от тела. Взамен этой поездки я ей пообещал, что в тот момент, когда я решу заняться таким общеизвестным персонажем, как поп Гапон, а также его поделщиками, она непременно будет рядом со мной.

Колдун мне был нужен, чтобы прямо на месте произвести некоторые следственные действия – не столько по делу господина Накашидзе, сколько в отношении разного рода революционеров, которых я под шумок собирался наловить широким бреднем. На контакт с этой публикой мне все равно выходить придется, так почему же не начать с товарищей из Баку. Разговаривать я буду только с теми из них, что пошли в революцию бороться за народное счастье, а остальных ждет пропадание в неизвестности. Ольга Васильевна на дорогу снабдила меня списком видных большевистских и меньшевистских деятелей, которых я могу встретить в Баку. Слепков аур этих людей у меня нет, но при сканировании местности энергооболочкой эти люди должны так же выделяться среди обычных обывателей, как на поле боя выделяются среди солдат генералы, отдающие приказы своим войскам. Генерала Ноги я засек с точностью, достаточной для нанесения по его штабу минометного удара, и на этот раз мои дополнительные способности, думаю, тоже не подведут.

Ну и, конечно, меня интересовали бакинские нефтепромышленники – главные люди в любой революции. Ибо, как гласит опыт истории, пока народ не дошел до отчаяния, и максимум, на что его можно подвигнуть, это ворчание на кухнях. Интересно мне стало, что это за люди, с таким азартом пилящие под собой сук, чтобы потом со своей высоты кувырком улететь – кто в эмиграцию, а кто в расстрельный подвал «чрезвычайки». Да и вправить мозги этим людям тоже не лишнее, а если они вдруг не поймут моего внушения, то возможны разные другие варианты, вплоть до национализации всей нефтедобывающей промышленности. Но это уже совсем крайний случай, ибо, как мне сказала Мэри, полностью огосударствленная экономика неэффективна в той же степени, что «свободный рынок», хотя и по совершенно иным причинам.

Кстати, Птица ни в какую не хотела отпускать со мной своих гавриков на это, как ей казалось, опасное задание. Пришлось ей напомнить, что мы идем по мирам уже без малого два года: за это время мальчики и девочки изрядно подросли и окрепли, превратившись в юношей и девушек. У Матильды и Профессора цепкий взгляд, и иногда они способны разглядеть то, что ускользает от моего собственного внимания. Каждый раз, когда я привлекаю их к работе, после завершения дела они пишут рапорты, которые потом бывает бесполезно прочесть даже мне. Кроме того, они видели и пережили то, что иному взрослому хватит на две-три жизни, свели знакомство с очень интересными людьми разных эпох, а Профессор какое-то время даже приятельствовал с пажами Наварры, в том числе и с будущим светилом французской литературы Оноре де Бюэи де Ракан. Латынь, усвоенная нами в мире Подвалов, да еще висящее на поясе оружие сделали моего юного адъютанта для юных представителей французской аристократии «своим парнем», равным по положению и происхождению³. Что касается Колдуна, то без него я буду на месте как без рук. Кто же мне еще вскроет главных фигурантов, являя окружающим их смердящее содержимое, чтобы потом герр Шмидт мог брезгливо поковыряться в нем палкой, давая полный расклад, что больной ел, что пил и какими дурными привычками страдает.

Отправлялись мы прямо из мира Содома. Конечно, хотелось бы шикануть и прокатить наших гостей вокруг Земли из Дальнего в Баку по суборбитальной траектории с выходом в ближний космос, но сие было сочтено ненужным излишеством. Как-нибудь потом, в сле-

³ В средневековой Европе латынь была языком межнационального общения для аристократии, церковников и вообще образованных людей, а на своих национальных языках разговаривало только простонародье. Увидев, что пажи Артанского князя свободно общаются на языке Данте и Вергилия, окружение Генриха Наваррского автоматически включило их в круг равных по положению.

дующий раз. Челнок вертикально, как воздушный шар, всплыл на высоту около двенадцати километров, так что Запретный город внизу стал похож на миниатюрный игрушечный макет, установленный в ящике с песком⁴. Потом мы с Колдуном открыли портал – и вот уже в разрывах облаков далеко под нами город Баку, освещенный косыми лучами заходящего солнца. С высоты хорошо видна частая гребенка причалов в Бакинском заливе, частокол деревянных вышек в так называемом Черном городе, а также хвосты дыма и копоты, которые ветер сносит к северу вглубь Апшеронского полуострова. Моих гостей, несмотря на то, что изо всех сил старались напустить на себя невозмутимый вид, потрясла открывшаяся внизу картина. Из мира в мир – одна нога здесь, а другая уже там – они уже ходили, а вот парить в воздухе будто птицам им еще не доводилось.

Зависнув в воздухе на короткое время, необходимое, чтобы навигационная система с нуля привязалась к наземным ориентирам, челнок перешел к стремительному снижению. Неопытный человек мог бы подумать, что мы падаем, и только спокойное, даже чуть расслабленное поведение членов команды говорило о том, что все идет по плану. Хотя кто его знает: бойцовые и бывшие мясные лилитки смерти не боятся в принципе, «волчицы», по схожим причинам, тоже. В случае критической ситуации их неподверженная панике команда до последнего момента будет функционировать с максимальной эффективностью, чтобы потом дружно уйти в бессмертие, оставив слепки своих душ в коллективной памяти Воинского Единства. Но сейчас не тот случай. На панели управления – ни единого тревожного сигнала, а значит, полет протекает под полным контролем пилотов.

Но нам пора. Покинув рубку, моя временная команда по узкой металлической лестнице спускается в ярко освещенный десантный трюм. Где в первых рядах наготове стоят мои первопризывные амазонки, а позади них ротными колоннами, с прикладами у ноги – сводный батальон подполковника Бутусова. По дороге генерал Мехмандаров, стараясь сохранить невозмутимый вид, оборачивается и спрашивает у меня:

– И что, Сергей Сергеевич, у вас это все так всегда происходит – так стремительно?

– Да нет, Самедбек Садыкович, далеко не всегда, – отвечаю я. – Обычно процесс снижения протекает намного более плавно и размеренно, совпадая с финальным участком горизонтального полета. Просто сейчас команда отрабатывает так называемое боевое десантирование, применяющееся для того, чтобы спуститься по максимально крутой траектории и застать ничего не подозревающего врага врасплох.

Полковник Тахателов, спускавшийся по лестнице позади меня, хмыкнул и спросил:

– Неужели господин Накашидзе так для вас страшен, что вы собираетесь упасть на него внезапно, будто снег на голову?

– Для меня, Исаак Артемьевич, никто не страшен, – ответил я, не поворачивая головы. – Просто настоящий Каменный Гость всегда должен приходиться к дону Жуану внезапно. Страшен этот человек, скорее, для ваших соплеменников, которых господин Накашидзе ненавидит какой-то прямо иррациональной ненавистью. Вот я и хочу как можно скорее разобраться, откуда в этом деле растут руки и откуда ноги, и кому еще выгодно, чтобы на территории России под прикрытием классовых боев разгорелась межнациональная смута. А внезапность в этом деле нужна для того, чтобы участники этого заговора не принялись разбежаться кто куда, будто крысы. Но хватит пустых разговоров, господа – кажется, мы уже прибыли...

20 (7) декабря 1904 год Р.Х., день шестнадцатый, вечер. Баку, набережная императора Александра Второго, резиденция Бакинского губернатора.

Падающий, казалось, прямо из зенита большой десантный челнок с «Неумолимого» появился в небе над Баку совершенно внезапно, возвещая о своем прибытии сокрушительным

⁴ ящик с песком – рельефный макет местности с соблюдением масштаба.

свистом рассекаемого массивным корпусом воздуха. Головы празднующейся по набережной почтеннейшей публики самопроизвольно задрались вверх, на источник звука. Зрелище вызывало оторопь и трепет. С закатного неба на город валилось нечто серое, клиновидное, постоянно увеличивающееся в размерах, предназначенное для того, чтобы, преодолевая системы планетарной обороны, врываться в атмосферу на околокосмических скоростях.

Такое явление могло бы вызвать панику, если бы к тому времени в большинстве бакинских газет не вышли перепечатанные с петербургских изданий отчеты о прибытии из Манчжурии в русскую столицу молодого императора Михаила II на летательном корабле схожего вида. И в этих газетах русским по белому было написано, что летательный корабль, а также почетный эскорт, русскому самодержцу любезно предоставил Великий князь Артанский г-н Сергей Сергеевич Серегин. А это имя в последнее время было у публики на слуху. Газеты писали об Артанском князе много, но большинство материалов были весьма далеки от всяческого правдоподобия, а крупницы правды тонули в ворохах прямой лжи, домыслов и самых фантастических вымыслов.

Да и как же могло быть иначе, ведь еще недавно мир пребывал в полном неведении о самом существовании этого господина. Но прошло всего полмесяца, и вот уже Великий князь Артанский – одна из самых известных и обсуждаемых публичных фигур. Он числится главным спасителем Порт-Артура, нанесшим зловерным японцам серию тяжелых поражений, и он же стоит за спиной мощнейшей «маньчжурской» лейб-кампании, с легкостью сменившей императора Николая на его брата Михаила. По одним данным, он колдун, движением бровей с легкостью потрясаящий небо и землю, по другим – святой, по одному слову которого на бой выступают легионы ангелов, по третьим – талантливейший изобретатель, вроде тех, что в своих романах описывал милейший Жюль Верн. По четвертым – международный авантюрист, за хорошую плату поставивший себе на службу целую армию беспринципных головорезов. Но, несмотря на невероятную пестроту мнений, все они сходились в том, что подданным русского царя бояться Артанского князя нечего. Вот и обыватели, наблюдавшие снижение летательного корабля, не стали с визгом разбегаться, а, напротив, приготовились наблюдать за бесплатным зрелищем.

Приближаясь к земле, летательный корабль развернулся так, чтобы опуститься вдоль набережной, и проделал это с плавностью, неожиданной в свете его предшествующего стремительного снижения. При этом двое господ, волею случая очутившиеся там, где их должно было придавить металлическим днищем, за несколько мгновений до наступления непоправимого почувствовали, как их с опасного места мягко, но неумолимо выталкивает некая сила неизвестной природы. В то же время часовой у входа в губернаторский дом ощутил нечто похожее на толчок невидимой ладонью в грудь.

Но вот летательный корабль замер, зависнув в паре дюймов над мостовой, в широкой части клина раздвинулись створки большого люка, и оттуда по аппарели на грешную землю спустилась престранная компания. Первым шел генерал восточной наружности, с широкой окладистой бородой – явно местный уроженец магометанского вероисповедания. Его шинель была распахнута, демонстрируя красную подкладку. Рядом за ним и немного позади, ярко блестя золотыми погонами с двумя просветами, шествовал короткобородый полковник, в котором даже издали опознавался армянин. Позади этих двоих шагал иностранный военный, которым мог быть только сам Артанский князь, легко узнаваемый по висящему на бедре мечу, сопровождаемый двумя отроками в такой же униформе. Замыкали начальственную компанию молодая рыжеволосая дама в стильном легком пальто и шляпке с вуалью, а также еще один отрок, внимательно оглядывающийся по сторонам. А позади всей этой компании – и вообще что-то несуразное: квадратный ящик, вроде фотографического аппарата, семенящий на тонких суставчатых ножках.

Часовой у губернаторского дома при виде генерала взял на караул, и не пошевелился даже тогда, когда следом за начальством из чрева летательного корабля колоннами стали выходить русские солдаты в полной экипировке, сопровождаемые артанскими офицерами. Часть из прибывших с Артанским князем войск тут же принялась оцеплять обители губернатора, а другая, не дожидаясь получения каких-то дополнительных указаний, с целеустремленным видом повзводно направилась в город, видимо, по каким-то заранее назначенным адресам. Ни строевых песен, ни разговоров, только пугающий обывателей мерный звук шагающих в ногу солдатских сапог. Все прямо как у Льва Толстого в «Войне и Мире»: *Die erste Kolonne marschieret, die zweite Kolonne marschieret. (Первая колонна марширует, вторая колонна марширует)*

Губернатор Михаил Накашидзе и в самом деле оказался застигнут врасплох. Застегивая на ходу мундир, он едва успел сбежать по лестнице на первый этаж, где нос к носу столкнулся со странными гостями, которых сопровождали солдаты, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками. Бакинский губернатор, обычно высокомерный со всеми нижестоящими, вдруг затрепетал всеми фибрами своей души, хотя ничего еще, собственно, не произошло.

– Самедбек Садыкович, вы ли это? – проблеял он, узнав в пылающем гневом визитере генерала Мехмандарова – достаточно известного в Баку человека.

Герой обороны Порт-Артура был великолепен. С суровым видом кивнув, он пророкотал:

– Да, это я, Михаил Александрович, и никто другой. А вы тут кого ждали своей нечистой совестью – шайтана с вилами или ангела с пылающим мечом?

Генерал был так грозен, что в воздухе ощутило повеяло запахом страха, и господин Накашидзе даже сделал шаг назад, будто намереваясь обратиться в бегство.

– Скажите, чем я обязан столь неожиданному визиту? – пробормотал он, бегающими глазами озирая вломившуюся в губернаторский дом странную компанию.

– Мы к вам с ревизией по поручению государя-императора Михаила Александровича, – внушительным тоном ответил Мехмандаров. – Но главные здесь не мы с господином Тахателовым, а самовластный князь Великой Артании Сергей Сергеевич Серегин, которого его Императорское Величество попросил помочь вскрыть вашу зловонную клоаку и вычистить ее омерзительное содержимое. Он – тот самый неподкупный следователь, который должен выявить все ваши прегрешения, а судить вас будет лично государь-император. В России, после периода неопишуемой мягкости к таким, как вы, снова наступило время Тайной Канцелярии, Слова и Дела, а также плах и топоров, без различия к общественному положению и высокому происхождению преступников. Вот, читайте...

С этими словами генерал Мехмандаров сунул под нос Накашидзе императорский карт-бланш.

– Но я ничего не понимаю... – бакинский губернатор замотал головой, будто конь.

– Зато мы все понимаем, – сказал Артанский князь и добавил: – Дима, теперь твоя очередь. Действуй.

Дима Колдун ничего не сказал, только внимательно посмотрел на господина Накашидзе, и от этого взгляда у бакинского губернатора вдруг появилось чувство, схожее с тем, когда от несвежей еды крутит живот и хочется немедленно облегчиться, чтобы не терпеть мучительные рези. Но только крутило у него не в животе, а в голове, да так, что слова сами просились наружу.

– Э, господа, – растерянно сказал он, – я тут ни при чем. Это все главноуправляющий на Кавказе князь Григорий Сергеевич Голицын. Это он сказал, что наглые армяне стали слишком много о себе понимать, и их следовало бы укоротить. А я только в точности собирался исполнять его указания...

– И это именно князь Голицын приказал вам натравить мусульманское население Баку на армян и даже, более того, раздать погромщикам оружие из государственных арсеналов, а

полиции и войскам не препятствовать убийствам? – кипящим от гнева голосом спросил полковник Тахателов.

– Честное слово, я ничего не понимаю! – замотал головой Накашидзе. – Какие погромы, какие убийства?

– Дима, – строгим голосом сказал Артанский князь, – врата истины оторвались недостаточно широко. Добавь еще немного откровенности, а то этот господин до сих пор пытается юлить и выкручиваться.

На бакинского губернатора было страшно смотреть: пот с его лба катился градом, руки тряслись.

– Я... ненавижу армян... – сказал он через силу, – они такие наглые, пронырливые, заняли все лучшие места. Чиновники на Кавказе в своем большинстве армяне, самые богатые торговцы тоже они, и они же тут самые главные смутьяны, подбивающие простонародье на бунт против законной власти. Если их не станет, то лучше будет всем. Но я не понимаю, о каких убийствах и каком оружии вы говорите? Ни главноуправляющий на Кавказе князь Голицын, ни министр внутренних дел господин Святополк-Мирский подобных указаний мне не отдавали. А без указаний от начальства я даже мухи зря не обижу.

– Сергей Сергеевич, – тихо сказал Серегину Митя-Профессор, – этот господин и в самом деле ничего не понимает. Если Димка продолжит давить, то его мозги превратятся в омлет. Я думаю, что указания организовать погромы поступят к господину Накашидзе уже после Кровавого Воскресенья, когда можно будет все. А уж тогда он все выполнит и перевыполнит, потому что эти указания будут вполне соответствовать его убеждениям.

– Скорее всего, что это именно так, – так же тихо ответил Артанский князь, – а потому переходим ко второй части Марлезонского балета...

– Погодите, Сергей Сергеевич, о каком Кровавом Воскресенье говорит сей отрок? – спросил полковник Тахателов.

Артанский князь сначала немного замялся, потом ответил:

– Это, Исаак Артемьевич, государственная тайна, причем не моя, а вашего императора. Так что, извините, ответа на ваш вопрос не будет. Могу только сказать, что я приложу все возможные усилия, сворочу горы и переверну небо, чтобы этого события никогда не случилось. В таком случае вы никогда о нем не узнаете. Но я, кажется, знаю, кто в нашем прошлом отдал приказ господину Накашидзе устроить резню. И будьте уверены, этому человеку тоже не поздоровится.

Тогда же и там же. Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Вот пазл и сложился. С одной стороны в нем поп Гапон, плотно завязанный на эсеровскую боевку, с другой – курировавший эсеров директор департамента полиции господин Лопухин и его начальник министр внутренних дел князь Святополк-Мирский. Но решение принимали не они – слишком мелкие сошки. На самом верхнем уровне находятся Великий князь Владимир Александрович вместе со своей супругой Михенью, изо всех сил расшатывающие трон под злосчастным императором Николаем. На этом же уровне всесильный Витте, цель которого – буржуазная республика по французскому образцу.

Между собой эти двое до поры до времени ситуативные союзники. От Михени ниточка тянется к англичанам, а от Витте – к французским Ротшильдам, у которых этот поц от имени государства брал стабилизационные золотые кредиты. Договор Сердечного Согласия уже заключен, значит, англичане и французы сейчас союзники, имеющие весьма недружелюбные намерения в отношении Германской империи. Но вдвоем переть на кайзера Вильгельма у лимонников и лягушатников кишка тонка. Что бывает в таком случае, показал сороковой

год. Поэтому им в компанию нужна Россия, которая отвлечет на себя половину германской армии...

А Россия себе на уме, враждебно относится к Британии и воевать с Германией тоже ни в какую не желает, тем более что у Вильгельма с Николаем неплохие личные отношения. Чтобы втянуть Россию в англо-французский альянс, ее нужно всячески ослабить и унижить, тем самым лишив геополитических амбиций. Русско-японская война и Первая Революция в России – это два хода в одной и той же операции. Чтобы ослабление и унижение не были чрезмерными, на переговорах в Портсмуте Витте добился некоторых смягчающих уступок со стороны Японии. С России не стали требовать контрибуцию и вернули ей половину Сахалина. При этом французы тут ни при чем, курировали Японию как раз англичане.

Стоп – в таком случае связь между семейством Владимировичей и Витте, скорее всего, ложная. Местный аналог гражданина Чубайса женат на разведенной еврейке, а это значит, что и ему, и его супруге закрыт доступ во все аристократические, и уж тем более великокняжеские дома. И ненавидит он аристократов, должно быть, люто. Воздействие на Владимировичей Витте должен осуществлять окольным путем, через Ротшильдов, тем более что в Британии они тоже представлены. Роль у Владимира Александровича простая, как три копейки, и к тому же одноразовая. В организации расстрела мирной демонстрации, иначе именуемым Кровавым Воскресеньем, он напустил на своего племянника страха, заставив того покинуть Санкт-Петербург, а потом организовал мизансцену так, что войска не могли не открыть огонь. Солдат вывели в оцепление намного загодя и продержали голодными на морозе весь день, после чего они были так злы на «бунтовщиков», что не задумываясь открыли огонь по толпе, несущей над собой хоругви и царские портреты.

После того как прозвучали залпы и пути назад больше не было, сошли со сцены и Владимировичи, утратив для заговорщиков всякую ценность, а вот великий интриган Витте остался. При этом, по здравому размышлению, надо признать, что между Лопухиным и Витте должна присутствовать непосредственная связь. Сколько министров внутренних дел ликвидировали эсеровские террористы, чтобы царь назначил на эту должность нужного Витте либерала? В то, что решение, на кого указать пальцем эсерам, принимал сам Лопухин, я не верю: слишком мелкая сошка. Но зато он мог дать эсерам «подходы» к Гапону, ибо его департамент полиции еще со времен Зубатова курировал этот условно «проправительственный» профсоюз. Теперь все сходится. Накашидзе в этой схеме – мелкая шестеренка: получил приказ от министра внутренних дел и выполнил его в меру своего разумения и энтузиазма. В противном случае необъяснимы две вещи. Первая – по какой иной причине сверхисполнительный губернатор Накашидзе вообще пошел на эту вопиющую провокацию, идущую вразрез с его должностными инструкциями? Вторая – почему, когда стало ясно, что произошло, его не отстранили от должности и не начали по этому поводу расследования? Еще один вывод из данного умозаключения: в настоящий момент угроза межнациональных столкновений в Баку отсутствует, ибо к их подготовке господин Накашидзе еще не приступал – иначе Колдун выдал бы из него правду.

Тогда я сделал знак своим спутникам, чтобы они приблизились ко мне, и поставил вокруг нашего кружка полог тишины. То есть с этого момента никто не услышит, о чем мы будем говорить, зато мы прекрасно будем слышать все, что происходит вокруг.

– Из того, что я услышал сейчас от господина Накашидзе, и исходя из самой фактуры этого человека, – сказал я, – можно сделать вывод, что в деле организации азербайджано-армянской резни он только выполнял приказ своего начальника, послушаться которого не смел. Его личная ненависть к армянам в данном случае – явление второстепенное: не будь распоряжений начальства, он выражал бы свои чувства путем мелких административных пакостей, а не через подстрекательство к беспорядкам и кровопролитию. Эту версию подтверждает и то, что в нашем прошлом господин Накашидзе за свои действия не понес никакого наказа-

ния, хотя любое вменяемое правительство должно было отстранить его от должности и начать расследование.

– И что из этого следует? – спросил генерал Мехмандаров.

– А то, что наше дело распадается на две почти не связанных между собой половины, – ответил я. – Дело о всеобщей стачке и поджогах на нефтепромыслах необходимо расследовать и предотвращать немедленно. А вот следствие по вопросам о возбуждении межнациональной армяно-азербайджанской вражды и последующей резни требуется переносить в Санкт-Петербург и искать ответ там. По-иному никак, ведь в этом деле замешан некий высокопоставленный господин, имеющий право отдавать господину Накашидзе указания...

– Таковых в России только два, – хмуро заявил генерал Мехмандаров, – главноначальствующий на Кавказе князь Голицын и министр внутренних дел князь Святополк-Мирский, но только, насколько мне известно, князь Голицын сейчас тоже в Санкт-Петербурге, а отнюдь не в Тифлисе, лечится от последствий ранения, которое он получил при покушении на него армянских террористов. Он не в отставке, но после того покушения как бы отстранился от дел по состоянию здоровья.

При упоминании об армянских террористах полковник Тахателов сморщился, будто от зубной боли – я заметил это и предпочел свернуть этот разговор.

– Одним словом, – сказал я, – расследование дела о возбуждении межнациональных беспорядков переносится в Санкт-Петербург, куда я и заберу господина Накашидзе – сразу, как только мы покончим с более насущными вопросами. Пусть там с ним разбирается ваш государь и его люди. А пока, Дима, наложи на этого деятеля заклинание стасиса. В виде статуи этот тип мне будет гораздо симпатичнее.

Колдун щелкнул пальцами – и тяжело дышащий господин Накашидзе окаменел. Все, никто никуда не идет. Господин Мехмандаров уже набрал воздуха в грудь (видно, хотел что-то спросить), но как раз в этот момент доставили первого фигуранта из числа тех, за кем я посылал по городу охотничьи команды. Точнее, вице-губернатор Лилеев пришел сам, своими ногами, не делая ни малейших попыток к сопротивлению, в сопровождении лишь подпоручика-артурца и двух мрачных солдат. С первого же истинного взгляда становилось понятно, что пределом компетенции для этого честного и прямолинейного служаки является пост градоначальника в не очень крупном городе, где круг решаемых проблем ограничивается чисто хозяйственными вопросами. В должности же вице-губернатора он и вовсе пустое место, ибо целиком под влиянием своего непосредственного начальства. Но сейчас он взвинчен и жестоко сбит с толку, а потому готов наделать глупостей. Как говорили в наши времена, стрессоустойчивость этого господина находится на уровне около нуля.

– Господа, – недоумевающе произнес господин Лилеев, оглядывая нашу престранную компанию, – я совершенно не понимаю, что тут происходит. Меня, уважаемого человека, хватают будто какого-то босяка и силой тащат сюда...

– Никто этого господина не тащил, – буркнул сопровождавший вице-губернатора подпоручик, – все было в рамках вежливости и в пределах исполнения полученного приказа.

– Но вы же, господин подпоручик, сказали, что примените ко мне силу, если я не пойду сам! – взвизгнул господин Лилеев, – а это возмутительное насилие над личностью!

– У подпоручика Егорычева был приказ доставить без грубостей, – жестко сказал я. – Что он и сделал в меру вашего нежелания подчиняться распоряжениям.

– А вы, черт возьми, кто такой, господин хороший? – гордо вскинул голову вице-губернатор. – И что происходит с Михаилом Александровичем, почему он в таком странном виде и молчит, когда тут происходят возмутительные безобразия?

– Самедбек Садыкович, – устало сказал я, – как старший по званию среди подданных российского императора, объясните, пожалуйста, господину Лилееву текущую диспозицию.

Должен же он знать, кто на ком стоял, и куда ему предстоит поехать, если мы сочтем, что он был связан с господином Накашидзе несколько больше, чем положено по службе.

Интересно было наблюдать, как пылающий гневом человек, услышав слова «сам Артанский князь» и прочитав карт-бланш, сдувается прямо на глазах, словно проколотый воздушный шарик, разве по воздуху с шипением не летает. А уж перспектива по такому поводу поехать в Петербург и предстать пред светлы очи Михаила Второго и вовсе пугает его до колик. Если такое случится, то тридцать пять лет беспорочной службы полетят псу под хвост.

«Сергей Сергеевич, – мысленно говорит мне Дима Колдун, – я, конечно, не Анна Сергеевна, но даже мне понятно, что этот человек внутри пуст и не представляет интереса».

«Вижу, – так же мысленно отвечаю я, – поэтому отставляем господина вице-губернатора в сторону. Он – специалист технический, и нужен будет при любой власти. Дождемся следующего фигуранта по списку, и будем решать уже с ним».

Следующим фигурантом оказался бакинский полицмейстер Федор Деминский – его орлы подполковника Бутусова доставили с битой мордой и заломленными за спину руками.

– Попытался отстреливаться, – коротко сказал мне старший команды поручик Енджеевский, вручая мне новенький пахнущий порохом Смит-Вессон, – да только, по счастью, ни в кого не попал.

Один Истинный Взгляд на господина полицмейстера подтвердил, что этот человек по самые уши замешан в делах господина Накашидзе, да и, по данным Ольги Васильевны, чины полицейского управления не только не препятствовали резне, но и принимали участие в ее организации. И было в господине полицмейстере нечто такое, что говорило, что у этого слуги больше чем один господин. По одной линии указания к нему поступали от господина Накашидзе, по другой – от директора департамента полиции Лопухина, но был еще и третий хозяин, не входящий в официальную иерархию – с ним господин Деминский связывал свое материальное благополучие. Сложилось впечатление, что, выполняя указания Лопухина и третьего неизвестного господина, бакинский полицмейстер может действовать отдельно от губернатора Накашидзе, и даже не ставя того в известность.

Понятно, что местное полицейское управление надо чистить под корень, но сначала нужно подобрать для Баку нового полицмейстера и проследить, чтобы тот не оказался хуже прежнего. Пожалуй, будет полезно открыть портал в мир Содомы и отправить туда господина Деминского на предмет свидания с герром Шмидтом. Потрошить его прямо здесь весьма неудобно, ибо еще неизвестно, что полезет из этого человека под влиянием заклинания Полной Откровенности. Маг разума, способный наложить соответствующее заклинание, в штате нашего гестапо имеется, а Колдун во время второй части нашего Марлезонского балета, когда мы начнем разрешать классовые противоречия, понадобится мне здесь.

– Значит, так, господа, – сказал я, – план прежний. Господин Накашидзе на время расследования, – («а на самом деле навсегда», – мысленно хмыкнул я), – отстраняется от власти. Исполняющим должность губернатора назначается генерал Мехмандаров, его товарищем – полковник Тахателов. Вице-губернатор Лилеев, если хочет сохранить стаж беспорочной службы, помогает им по технической части. Господина Накашидзе мы чуть погодя переправим в Санкт-Петербург, в казематы Петропавловки, а господин Деминский прямо сейчас отправляется к нам в тридцатое царство, к герру Шмидту на предмет проведения следствия. Я бы допросил его прямо здесь, но не хочу делать присутствующих заложниками тех зловонных тайн, что хранятся в этой голове.

Сказано – сделано. Ох и кричал господин полицмейстер, когда его с заломленными руками выталкивали на ту сторону в яростное пылание Содомского полдня... Совесть у этого человека не просто была нечиста – на ней явно не оставалось ни одного светлого пятнышка.

– Сергей Сергеевич, а что нам с Исааком Артемьевичем делать прямо сейчас? – спросил генерал Мехмандаров, когда портал закрылся и вопли стихли.

– Отправляйтесь в гостиницу, – сказал я, – и до завтра хорошенько отдохните. А завтра у вас начнется основная работа. Вам предстоит встретиться с главами общин – каждый со своей – и убедить этих уважаемых людей, что, вне зависимости от того, что им обещал господин Накашидзе или его помощники, ответ государства на любую межнациональную смуту будет стремительным и сокрушительным. А мы с господином Лилеевым приготовимся к встрече с нефтепромышленниками и противостоящими им революционерами, которых мои люди прямо сейчас ведут сюда. Задача сделать так, чтобы и овцы были целы, и волки сыты, пожалуй, может оказаться посложнее улаживания межнациональных смут.

Два часа спустя, там же. Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Вскоре после того, как генерал Мехмандаров и полковник Тахателов отправились в гостиницу, в губернаторский дом стали доставлять первых «приглашенных». И вот – такая картина: входит уважаемый нефтепромышленник или пламенный революционер и первое, что видит перед собой – нерукотворный статуй господина Накашидзе. Скульптор – Д. Колдун. Весьма впечатляющее и поучительное зрелище. Ну а потом нефтепромышленников, хозяев приисков и управляющих рассаживают на мягких стульях по правую сторону от входа, а революционный элемент – по левую. Кстати, ни те, ни другие отнюдь не были довольны своим недобровольным присутствием на этом внезапном ночном совещании. Но с вооруженным караулом не поспоришь. Нефтепромышленники громко возмущались – правда, только до тех пор, пока не наткнулись на мою особу и не выслушивали из уст подполковника Бутусова текст императорского карт-бланша. Однако революционеры вели себя тихо и пришибленно, воспринимая происходящее как странную разновидность ареста, после которого их всех скопом отправят в местную тюрьму. Это было совсем не так, но говорить я с ними собирался только тогда, когда все будут в сборе.

Единственными из «борцов за свободу», которых я в случае оказания ими вооруженного сопротивления приказал не тащить сюда, а кончать на месте, были члены Боевой Организации партии эсеров и дашнакские боевики. Теперь кое-где по городу будут валяться безголовые трупы, так как перестреливаться с моими первопризывными амазонками – дело дурацкое. Достал оружие – значит, уже труп. В этом смысле социал-демократы всех разновидностей мне куда милее: это люди, как правило, не вооруженные и упирающиеся в основном на агитацию, а не на бросание бомб и пальбу из браунингов.

А тех дашнаков, которых все-таки доставляли сюда живыми, я тут же выталкивал через портал в пылающее жаром Тридцатое царство герру Шмидту на закуску. А то возникло у меня подозрение, что одним из заказчиков резни армян было руководство партии Дашнакцунтун. Кто они были для местного армянского населения, привыкшего полагаться на полицию, до тех событий? Ноль без палочки! И вдруг – стрельба, резня, бесчинства, а полиция не просто бездействует, но и подстрекает погромщиков к более решительным действиям. И тогда на сцене появляются вооруженные боевики и организуют оборону армянских кварталов от беснующейся толпы. Провокация вполне в стиле Кровавого Воскресенья. Кстати о полиции: городовые, как только в городе начался шум, куда-то попрятались – точно так же, как и при начале резни в нашей истории.

Постепенно помещение заполнялось народом. По правую сторону сидят уважаемые господа нефтепромышленники Павел и Аршак Гукасовы, Иса-бек Гаджинский, Степан Лианозов, управляющий бакинским отделением фирмы «Манташев и К» господин Карапетов, владелец завода бурового оборудования (первого в России) Муртуза Мухтаров, директор британской фирмы «Бакинское общество русской нефти» Гаджи Зейналабдин Тагиев, управляющий обществом Тер-Акопова Григорий Григорян, директор-распорядитель городской конторы «Бакинского нефтяного общества» господин Корсаков, управляющий Бакинским отде-

лом фирмы братьев Нобелей финн Густав Эклунд, директор принадлежащего Ротшильдам «Каспийско-Черноморского общества» бывший австрийский подданный Арнольд Фейгль. По поводу последнего у меня сразу возникли вполне обоснованные подозрения. Под Истинным Взглядом этот человек смотрелся вполне однозначно – да так, что у меня от ярости на загровке дыбом вставала шерсть.

По левую сторону – весь бакинский революционный бомонд. От партии большевиков – весь местный комитет партии: Александр Стопани, Прокопий Джапаридзе, он же Алеша, Иван Фиолетов, Владимир Бобровский и его жена Цецилия Зеликсон, Петр Монтин и еще один молодой человек кавказской наружности, легкой небритостью прикрывающий оспенные шрамы. Когда его ввели, Колдун мысленно сказал мне, чтобы я обратил на него внимание... Я обратил. Истинный Взгляд – это такая штука: и захочешь, а мимо не пройдешь. Уж не знаю, взял он уже себе свой первый взрослый псевдоним «Коба» или пока пробавляется подростковым прозвищем Сосело (*Хулиган*)... Но с Кобой потом. Он здесь, судя по всему, не местный, а приехал на несколько дней из Тифлиса, уточнить местным товарищам программу действий.

За большевиками сидят и беспокойно ерзают армянские социал-демократы из партии «Гнчак» Тигран Арутюнян, Овсен Тер-Вартанян и Давид Тер-Даниелян. Беспокойство их связано с тем, что несколько их буйных товарищей, схватившихся за оружие, были беспощадно застрелены, а потом обезглавлены. Мешки с их сумасшедшими головами стоят тут же, в углу. А еще эти трое вздрагивают всякий раз, когда новодоставленных «пациентов» вместо того, чтобы усадить на стулья, беспощадно выталкивают куда-то через открывающуюся прямо в воздухе дыру, откуда несет жаром, как из печи, и доносятся ароматы мирры и ладана. А как еще реагировать на программный бред о возможности построения социализма в отдельно взятой Великой Армении, часть которой планировалось оторвать от Турции, а часть от Российской империи? Интересно знать, за счет чего такое государство собиралось существовать и насколько долго оно продержалось бы в полностью враждебном окружении...

За армянскими фантазерами из «Гнчак» сидят азербайджанские товарищи из организации «Гуммет». Мамед Эмин Расулзаде под Истинным Взглядом читается не как марксист или просветитель, а как русофоб и националист, так что отсюда он пойдет со мной в мир Содомы, и никуда более. Совсем еще молодой Султан Меджид Эфендиев, наоборот, представляется мне скорее как пламенный большевик, чем как национальный деятель либерального толка. Надо бы попросить его пересесть, чтобы не создавать чересполосицу по идейному признаку. И то же касается Асадуллы Ахундова. Последний из гумметовцев Мешади Азизбеков – тоже скорее большевик, чем либеральный националист, а значит, из всех присутствующих у меня «неправильно» сидит только господин Расулзаде.

И наконец вводят братьев Шендриковых: Льва, Илью и Глеба – на этих у меня отдельная ориентировка. Эти тоже оказывали сопротивление, только невооруженное, поэтому, несмотря на отрихтованные фейсы, живы и почти здоровы. Махаться с моими амазонками на кулаках – такое же безнадежное занятие, как и перестреливаться с ними их пистолетов. Увидев этих трех политических акробатов, господин Фейгль бледнеет и делает попытку вскочить со стула, но Колдун без всякой моей команды пригвождает его к месту заклинанием паралича. Говорить он в таком состоянии сможет, а двигаться – уже нет. Ну что же: кворум собран, а значит, можно начинать разговор. Но сначала – еще одно дело. Увидев, что в мои сети попался будущий отец народов, я мысленно посоветовался с Михаилом и решил слегка изменить свой первоначальный план. Точнее, Михаил так заинтересовался этим молодым человеком, что счел возможным на пару часов оставить свой пост в Зимнем Дворце.

И вот открывается портал, за которым вместо пылающего жаром полдня Тридесятого царства – полутемное помещение Готической библиотеки Зимнего дворца, и оттуда чуть боком влезает всероссийский самодержец Михаил Второй, одетый в мундир генерал-лейтенанта. При его появлении, будто повинувшись мысленной команде (чего на самом деле не было), будто под-

брошенные пружинами, вскакивают господа нефтепромышленники (за исключением господина Фейгля), а за ними нехотя поднимаются со стульев революционеры. Одновременно в струнку вытягиваются присутствующие тут же русские солдаты и офицеры, включая подполковника Бутусова. И лишь мои первопризывные амазонки остаются стоять вольно, бросая на Михаила заинтересованные взгляды. Замуж они, за редким исключением, не выходят, но совсем не прочь, покувыркавшись с приятным им мужчиной из Верхних миров, родить от него хорошую дочь. Михаил полностью соответствует их идеалам подходящего мужчины, и к тому же он не женат, что в их глазах дополнительно увеличивает его привлекательность в качестве потенциального партнера по горизонтальным танцам. Но мои девочки службу знают, и в обстановке, приравненной к боевой, ничего личного с их стороны быть не может, так что даже оценивающие взгляды – только искоса.

Как только Михаил перешел на эту сторону, я наложил на него Истинный Взгляд, потому что он тоже должен видеть суть вещей, а не только поверхностную видимость. Дождавшись пока заклинание «осядет», он обвел глазами присутствующих и сказал:

– Вольно, господа, садитесь. Сергей Сергеевич, а почему господин Накашидзе в таком странном виде? Неужели нельзя было поступить с ним как-то по-другому, не так сурово?

– Господин Накашидзе выключен из игры, – сказал я, – потому что произнес уже свои главные слова. Вот послушайте...

Моя энергооболочка записала наш тогдашний разговор, поэтому я просто включил режим воспроизведения. И Михаила, и присутствующих (а среди них было немало тех, кого этот человек ненавидел всеми фибрами своей души) эта беседа впечатлила по полной. Гневные взгляды скрестились на статуе бакинского губернатора и с правого, и с левого флангов. И только русский самодержец остался внешне невозмутим.

– Теперь все понятно, – сказал он, – пусть стоит, пока мы не забрали его с собой. Кстати, а как долго это может продолжаться?

– Ну... – пожал я плечами, – Батый от пленения и до суда простоял так в стасисе тридцать дней. А мог бы и триста лет. Удобно же: кормить пленника не надо, караулить не надо, до ветру водить тоже не надо. Время для него стоит, так что в тот момент, когда заклинание снимут, клиент будет как новенький. Главное, чтобы слуги вовремя стирали с него пыль веков...

– Действительно удобно, – согласился Михаил, – особенно в свете того, что Тайная Канцелярия у нас только формируется. Не были бы вы, Сергей Сергеевич, так любезны добавить к господину Накашидзе и других деятелей того же толка? Расследовать их деятельность сейчас пока некому, оставлять этих людей на свободе опасно, а сажать их в тюрьму, даже в казематы Петропавловки, может выйти еще хуже, потому что там их будут по-всякому пытаться умертвить, чтобы добиться неразглашения опасных тайн.

– Разумеется, Михаил Александрович, мы окажем вам любую помощь, какая только будет в наших силах, – кивнул я. – И не только в этом вопросе. И вы знаете почему.

– Спасибо вам, Сергей Сергеевич, – поблагодарил Михаил, – а теперь давайте перейдем к главному делу сегодняшнего дня – ведь ради него мы и собрали сюда этих достойных людей. Да, господа, вы не ослышались: достойные люди имеются тут с обеих сторон, как, собственно, и недостойные.

Император обвел присутствующих взглядом и поднял вверх палец.

– Но мы не можем допустить, чтобы кто-то подрывал устои нашего государства и призывал к низвержению самодержавия, – веско произнес он. – Ни к чему хорошему такой путь борьбы за народное счастье этому самому народу не принесет. Даже в случае успеха революции, которой мы будем противиться изо всех сил, последуют несколько лет междоусобной кровавой смуты ценой в двадцать миллионов жизней в основном рабочих и крестьян, а потом снова наступит диктатура одной партии и одного человека. Революции, господа марксисты, никогда не успокаиваются, пока не сожрут всех своих детей, и через Робеспьеров и Маратов по

кругу не придут к императору Бонапарту. Так стоит ли вообще городить огород и лить кровь, чтобы в итоге вернуть все на круги своя? С другой стороны, мы категорически против такого положения дел, когда капиталисты, получающие огромные прибыли (это я о вас, господа нефтестромышленники) платят своим рабочим так ничтожно мало, что те влачат нищенское существование. Это тоже дорога в ад. Богатство государства исчисляется не по капиталам высших классов, а по благосостоянию низших. Если у нашего народа не будет денег на приобретение самого необходимого, развитие индустрии станет топтаться на месте, в то время как другие державы мира уйдут далеко вперед. А в конце концов неизбежным итогом нам опять видится революция, со всеми проистекающими последствиями. А посему, как самовластный государь, тиран и самодур, Мы повелеваем, чтобы на всех бакинских промыслах оплата, а также условия труда и жизни рабочих немедленно были приведены к тому же положению, что в настоящий момент имеется на предприятиях общества братьев Нобель и на заводе бурового оборудования господина Муртузы Мухтарова. Ответственным за выполнение моего указания я назначаю... – Михаил жестко усмехнулся, – господина Стопани⁵. С этой минуты он – Наш полномочный представитель по рабочему вопросу в городе Баку и его окрестностях. Александр Митрофанович, подойдите к Нам. Ну, смелее же, товарищ большевик, Мы не кусаемся.

Присутствующие дружно переглянулись: революционеры недоумевающе, а нефтестромышленники испугано; господин Лилеев и вовсе превратился в соляной столп, забыв, как дышать. Я же мысленно заплодировал Михаилу: в нем явно прорезался тот Великий Император, каким его запомнил мир моей супруги Елизаветы Дмитриевны. Сказанное здесь и сейчас уже само по себе тянуло на революцию, а ведь мы с Михаилом предварительно ни о чем не договаривались, если не считать формулы тождества во время принесения нами встречной клятвы.

Тем временем Александр Стопани, наконец покончив с колебаниями, встал со стула и приблизился к императору. Вид он имел такой, будто ожидал, что Михаил сейчас над жестоко надсмеется над наивным революционером и прикажет бросить его в тюрьму. Но вместо того Михаил протянул ему прямоугольник белого картона размером с игральную карту, с изображением его «портрета». Таких моему протеже мы изготовили целую колоду, чтобы он мог раздавать их для связи нужным людям, благо наличие энергооболочки позволяло ему иметь практически неограниченное количество контактов.

– Что это... государь? – неуверенно спросил Стопани, глядя на изображение императора, искусно выписанное на картоне.

Тоном инструктора, обучающего новобранца, тот ответил:

– Это, Александр Митрофанович, нечто вроде телефона, не нуждающегося ни в проводах, ни в барышнях на коммутаторе. Достаточно вам провести по портрету пальцем – и вы уже с Нами на связи.

– Возьмите и мою карточку тоже, – сказал я Стопани, протягивая свой «портрет», – если ситуация потребует срочного вмешательства – например, в случае если какая-нибудь паскуда придет вас арестовывать или убивать – то я немедленно явлюсь к вам на выручку лично и оружно, и тогда всем виновным лучше будет самостоятельно повеситься на ботиночных шнурках. Плохо будет всем, вплоть до самых высокопоставленных персон, а не только непосредственным исполнителям. А еще мы с Михаилом Александровичем непременно узнаем, если вас внезапно захватят или, не дай Бог, убьют, и вы не успеете сообщить о нападении. Карты, которые вы держите в руках, сообщат нам и об этом. И тогда я тоже выступлю в поход – ибо человек, находящийся под нашей защитой, неприкосновенен.

⁵ После революции и гражданской войны Александр Митрофанович Стопани работал в структурах Наркомтруда СССР, а с 1924 по 1929 год занимал должность прокурора РСФСР по трудовым делам.

– Да, Александр Митрофанович, – сказал Михаил, – мое неудовольствие виновные, пустившись в бега, на какое-то время пережить смогут, а вот неудовольствие Сергея Сергеевича гораздо страшнее, ибо нет для него ничего невозможного. От него не скроешься ни в Женеве, ни даже в аду. Отовсюду достанет железной рукой и заставит пожалеть о содеянном.

– Если кто-то из виновных добежит до самого ада, – махнул я рукой, – то и черт с ним, там ему самое место. При этом я надеюсь, что присутствующие здесь будут достаточно благо-разумны и не заставят меня прибегать к крайним мерам.

– Да вы, господа самовластные монархи, самые настоящие карбонарии! – воскликнула, набравшаяся храбрости Цецилия Бобровская-Зеликсон. – Это что же такое должно было произойти в мире, чтобы мы могли услышать от русского царя, что богатство государства определяется благосостоянием беднейших слоев его народа?

– Об этом, товарищ Бобровская, как-нибудь потом, в узком кругу, – сказал я. – Пока же примите программу вашего нового императора как данность. А теперь пора заслушать господ нефтепромышленников: собираются они выполнять наши с Михаилом Александровичем разумные требования или необходимо перейти к репрессиям против отдельных представителей крупной буржуазии...

– Вот именно, господа нефтепромышленники, – ухмыльнулся Михаил. – Мы вас внимательно слушаем. Начнем, пожалуй, с господ Гукасовых...

– Помилуйте, государь! – вскричал Павел Гукасов, старший из братьев в семейном тандеме, – вы же нас совершенно разорите!

– Госпожа Смитсон, – прищурился Михаил, – дайте Нам, пожалуйста, справку о благосостоянии господ Гукасовых.

Мэри смерила означенных братьев тем оценивающим взглядом, который присущ только магам Богатства. При этом оба беспокойно зашевелились, как будто у них прямо сейчас при всем честном народе вывернули карманы и заглянули в бумажники. Ну да, в свое время, заключая сделки с тевтонами, наш главный финансист всегда четко знала, какая цена для каждого вида товара является справедливой, а в случае эмиграции в мир Содома – какую сумму тот или иной богатенький буратино без ущерба для собственной платежеспособности способен уплатить за проход через портал.

– Общий капитал фирмы, именуемой «Каспийское товарищество», – мерным академическим тоном произнесла Мэри, – в настоящий момент составляет более двадцати миллионов рублей, из них семьдесят процентов принадлежат семье присутствующих здесь господ Гукасовых. При этом чистая прибыль превышает полтора миллиона рублей в год, но... – она сделала паузу, – большая ее часть, полученная за счет экспорта нефтяных товаров за границу, в Россию не возвращается, а оседает на счетах в зарубежных банках. Этот насос, Ваше Императорское Величество, выкачивает не только нефть из земли, но и деньги из вашей страны. Продажи внутри России покрывают в основном только текущие расходы производственных подразделений и личные нужды владельцев компании, проживающих на территории вашей Империи. Таким образом, увеличение денежного содержания наемных работников владельцам капитала придется покрывать за счет урезания личного потребления.

– Это неправда! – воскликнул Аршак Гукасов, в то время как его брат Павел опустил голову.

– Нет, правда, – сказал я. – И еще я вижу, что в этом деле есть еще какая-то пока мало-понятная мне связь с планировавшимися в Баку армянскими погромами.

– Мы тоже это видим, – сказал Михаил. – Сергей Сергеевич, не будете ли вы так любезны применить свои особые способности для окончательного проявления истины в этом вопросе?

– Буду, – буркнул я. – Дима, наложи на этого типа «Полное Откровение».

Колдун бросил на Аршака Гукасова свой внимательный взгляд – и у того в буквальном смысле полезли на лоб глаза.

Давясь словами, он начал вещать:

– Я – патриот свободной Армении, а Российская империя – это тюрьма народов. Мой несчастный истребляемый народ пытался найти в русских пределах спасение от турецкой резни, а его гонят обратно, прямо в руки палачей. Вы говорите, что освободили нас от турецкого ига, но ваше рабство еще хуже прежнего. Вы отбираете наши храмы и монастыри и глумитесь над нашими святынями. Вы не считаете армян за людей и грозитесь оставить от нас только чучела в музеях. Ненавижу! Я дам денег любому, кто будет бороться против вас, а на быдло, послушно гнущее спины на промыслах, мне наплевать, будь они хоть три раза армяне. Мне наплевать на самодовольных лавочников, думающих, что от гнева толпы их защит русская полиция. Ни кого и ни от чего она не защитит, или я не знаю господ Накашидзе и Деминского... Эти двое – такие же ненавистники армян, как и их начальник, князь Голицын. Когда прольется кровь, они будут только аплодировать. И вот тогда появятся настоящие защитники армянского народа, вооруженные и очень злые...

По мере того как этот деятель говорил, его соседи отодвигались от него, в том числе и Павел Гукасов.

– Аршак! – наконец воскликнул он. – Ты что такое говоришь?!

– Я говорю то, что думаю, – ответил тот, – и очень жаль, что вы с Абрамом⁶ не на моей стороне, а на стороне наших угнетателей. Я бы мог промолчать или соврать, но пока здесь это исчадие ада, Артанский князь Серегин, это попросту невозможно. Если он тебя спрашивает, то ты ответишь правду, хочешь ты того или нет.

– Исчадие ада?! – хмыкнул Михаил, бросив беглый взгляд в мою сторону. – Сергей Сергеевич, предъявите, пожалуйста, свои верительные грамоты, да только осторожно, чтобы никто из присутствующих случайно не ослеп.

Ну я и предъявил... как когда-то генералам в Мукдене. Жмурились потом все минут пять – разумеется, кроме тех, кто был под воздействием Истинного Взгляда. Но наиболее потрясенным выглядел Аршак Гукасов: раскрытый рот и выпученные ничего не видящие глаза.

– Должен сказать, – с невозмутимым видом продолжил Михаил, – что сидящий тут Аршак Гукасов наговорил сейчас по минимуму на двадцать лет каторги, а по максимуму на плаху с топором. Ни одно государство не сделало для спасения армян так много, как Российская империя, но вместо благодарности этот человек испытывает к нам лютую ненависть. Пса, укусившего дающую руку, обычно пристреливают, и я не собираюсь отступать от этого правила. Мой пращур Петр Великий так бы и сделал. Башку с плеч, и дело в архив. Но я добрый, поэтому моим личным императорским решением Аршак Гукасов приговаривается к изгнанию из этого мира и передается в распоряжение Артанского князя Серегина, чтобы тот закинул его в какой-нибудь глухой закоулок Мироздания. При этом доля собственности этого человека в семейном предприятии следует секвестрировать в пользу государства. Что касается князя Голицына, то мы с ним по поводу его нелюбви к армянам еще пообщаемся в присутствии дотошных следователей и внимательных секретарей. Уж очень нам интересно, ставил этот человек себе целью только передел финансовых потоков, или в это дело еще затесался чей-то политический интерес. Для всех прочих присутствующих здесь армян должен сказать, что я уже подписал указ о возвращении собственности Апостольской армянской церкви и разрешении деятельности армянских школ. И на этом этот вопрос закрыт. Точка. А теперь вернемся к нашим текущим делам...

⁶ Абрам Гукасов – третий из братьев, с 1899 года лондонский представитель «Каспийского товарищества», занимавшийся реализацией нефтепродуктов на европейском рынке и выгодным вложением вырученных денег. Вернулся в Россию в 1914 году, а потом вместе с братом Павлом снова эмигрировал в 1917-м. А вот следы Аршака после революции потерялись.

Тем временем к осужденному на изгнание подошли двое солдат, чтобы сдернуть этого человека со стула и пинком отправить через открывшийся портал в жаркий мир Содома. И тут случился сюрприз...

– Несправедливо будет карать только меня одного! – выкрикнул Аршак Гукасов, еще находящийся под влиянием Полного Откровения. – Господин Манташев, например, придерживается по отношению к Российской империи того же мнения, что и я...

– С этим господином мы поговорим в другом месте и в другое время, – изрек Михаил, делая знак, чтобы смутьяна убрали бы прочь с его глаз. – А пока меня интересует только рабочий вопрос. Господин Карапетов, как управляющий бакинскими предприятиями господина Манташева, ответьте мне: вы будете выполнять поставленные Нами условия или все-таки придется брать за жабры вашего хозяина? Сразу предупреждаю – упрямство в этом вопросе может дорого ему стоить.

– Ваше Императорское Величество... – развел руками управляющий, ослабившись в приторной улыбке, – воля ваша, но я человек подневольный, и должен в точности исполнять все указания владельца предприятия.

Михаил пожал плечами и бросил на меня вопрошающий взгляд.

– Сергей Сергеевич, вы можете обеспечить доставку сюда господина Манташева, так сказать, в своем любимом стиле, одна нога здесь, а другая там? – спросил он. – Видит Бог, я хотел этого избежать, но раз уж господин Карапетов оказался настолько упрям, то следует показать, что никто не сможет выскользнуть из ваших длинных рук, ибо расстояния вам не помеха.

Пока я задавал соответствующее задание энергооболочке, «публика» затаила дыхание: их-то сюда собирали самым обыкновенным способом – путем выколупывания из домов и доставкой под конвоем. Правда, через портал сюда пришел Михаил, а еще до этого таким же способом в мир Содома отправлялись пленные дашнакские и эсеровские боевики. И вот теперь мне в очередной раз предстояло достать кролика из шляпы – точнее, нужного императору человека из города, расположенного за четыреста пятьдесят километров от Баку. Координаты дома этого господина энергооболочке удалось выудить из памяти присутствующих. Двухэтажный особняк на улице фельдмаршала Паскевича, дом восемь. Большинство из тех, кто сидит по правую руку от меня, были туда вхожи, и неоднократно бывали в гостях у богатейшего человека Российской империи. К моему удивлению, неплохо знал о его местонахождении и милейший Сосо. Как оказалось, выполняя функции разъездного агента Тифлисского комитета РСДРП, он неоднократно получал от господина Манташева некоторые суммы «на революцию». Михаилу я об этом пока решил не говорить. Мне с будущим товарищем Сталиным еще отношения налаживать, что само по себе дело непростое, а уж если я начну выдавать его маленькие тайны, на этом деле и вовсе можно ставить крест.

Но вот все готово. Над южной окраиной Тифлиса на высоте примерно пятисот метров открыто просмотровое окно. Мэри подходит ко мне вплотную и начинает сканировать местность на предмет присутствия крупного финансиста. Это политик из господина Манташева неважный, а вот деньги к нему липнут как бы сами по себе. Не исключено, что он тоже маг богатства, как и Мэри, только неинициированный.

– Большой дом под красной крышей на перекрестке двух улиц в самом центре квартала, – после некоторой паузы тихо говорит Мэри. – Он там. Другого финансиста первого порядка поблизости просто нет.

Магия Богатства сочетается с моей силой даже меньше, чем магия Огня, поэтому с Коброй я могу разговаривать мысленно и имею возможность вместе с ней входить в подсознание к пациентам бойца Птицы, а вот при общении с Мэри мы вынуждены облекать свои мысли в слова. Птица говорит, что она, бедняжка, из-за этого очень переживает, считая себя неполноценной в нашей компании высших магов. Быть может, попробовать включить ее в состав нашей «пятерки», наряду с Коброй, Колдуном, Анастасией и Птицей – но только в таком случае ее

состав желательно усилить Медиком и Клириком. А вот с этим есть определенные проблемы. Единственные подходящие кандидатуры – это Лилия и отец Александр, ибо магов Жизни, близких нам в подходящей степени, в нашей компании больше нет, а священник и вообще только один. Но включать в управляющую команду аватара Отца мне кажется наглостью, да и Лилия все-таки олимпийская богиня, а не простая смертная вроде всех остальных...

«Хорошо, папочка, – доносится до меня мысленный голос Лилии, – я очень рада, что ты вспомнил о моей скромной персоне, и обязательно переговорю с дядюшкиным аватаром. Не думаю, что он тебе откажет. Верхние миры – они такие, сложные, и там тебе понадобится вся мощь, какая только возможно. А еще в этом деле у меня есть личный интерес...»

Бип... Бип... Бип... Вот и поговорили...

Тем временем просмотрное окно спикировало с высоты внутрь нужного мне дома, и я открыл полноценный портал, куда тут же ринулись мои первопризывные амазонки. Задача – скрутить за тридцать пять секунд и доставить сюда. Правда, если господин Манташев уже соби-рался отходить ко сну, то следует дать ему одеться, а то как-то неприлично тащить пожилого человека на всеобщее обозрение в домашнем халате и шлепанцах или вовсе в ночной рубашке и босиком. Быть может, нам с этим человеком еще придется сотрудничать – так что не стоит допускать лишних унижений.

Сначала по ту сторону портала было тихо, потом треснуло несколько пистолетных выстрелов. Явно стреляли из пистолета Федорова и его прародителя – браунинга образца тре-тьего года. Я уже было начал волноваться, но тут все закончилось. Из зева портала показался грузный седоусый старик типично кавказской внешности, который шел сам, без подталкива-ний и понуканий, а следом за ним мои амазонки ввели черноволосого молодого человека лет двадцати пяти: его левая рука была заломлена за спину, а правая, в окровавленном рукаве белой рубашки, висела вдоль тела плетью. Девочки позаботились, чтобы этот поц не издох раньше времени, перетянув раненую руку жгутом у самого плеча. Вах, как хорошо получилось! С первого взгляда было видно, что неудачливым стрелком оказался старший и любимый сын старого Манташева Левон – весьма-таки легковесный человек, мот, жуир, страстный лоша-дник и бонвиван, и в тоже время не менее успешный финансист, чем его отец. И в тоже время, если мы крепко будем держать младшего Манташева за фаберже, то старший сделает все, что для нас необходимо, и даже больше.

Увидев Михаила, Манташев-старший неожиданно побледнел как смерть и пробормотал: «Помилуйте, государь»; только что на колени не упал. Не знаю, что он себе навоображал, когда в его дом вроде бы ниоткуда вломились наглые вооруженные девки в иностранной военной форме, но вот встреча с самим императором оказалась для него явной неожиданностью.

– А что, Александр Иванович, есть за что вас казнить? – с иронией спросил Михаил. – Ладно, вижу, что есть, но я сегодня добрый, и при условии вашего полного содействия готов начать все с чистого листа. Ваши изменнические настроения в какой-то мере извиняют зло-намеренные действия некоторых сановников моего брата, по непонятным нам пока причинам ополчившихся против армянской нации. Процесс выдворения армянских беженцев обратно в Османскую империю я приказал прекратить, имущество Апостольской армянской церкви вернуть с извинениями, национальные армянские школы разрешить открыть, а в отношении князя Голицына начать следствие на предмет подрыва безопасности Российского государства. И все. Мой брат находится за пределами этого процесса, и его имя в нем не будет упоминаться вовсе. Вполне достаточно и того, что я извиняюсь перед вами от его имени.

– Да, Ваше Императорское Величество, – выпрямившись, сказал Манташев-старший, – всего, что вы сейчас сказали нам, армянам, вполне достаточно для того, чтобы восстановить веру в справедливость верховной власти. Но я не понимаю смысла этого ночного собрания, на которое эти ваши, гм, фурии, выдернули меня считайте прямо из постели... И вообще – где мы сейчас находимся, я не узнаю этого места?

– Мы, Александр Иванович, сейчас находимся в доме бакинского губернатора господина Накашидзе, – произнес Михаил, – если вы обернетесь, то увидите гостеприимного хозяина. Только он сейчас немножечко безмолвен и недвижим, потому что наряду с князем Голицыным находится под следствием по подозрению в совершении государственного преступления. А собрали Мы здесь посреди ночи уважаемых господ и не менее уважаемых товарищей для того, чтобы попытаться найти способ с наименьшими издержками предотвратить кровавую смуту, в ближайшее время уже готовую вспыхнуть в Баку и окрестностях. Сначала против нефтепромышленников должны подняться рабочие, доведенные до отчаяния нищенскими заработками, а потом против армянского меньшинства взбунтуется магометанское большинство; и все то время, пока тут будет литься кровь и полыхать нефтяные вышки, господин Накашидзе собрался честно просидеть в кустах.

– Неужели, Ваше Императорское Величество, у вас не осталось солдат и казаков, чтобы залпами винтовок и нагайками призвать к порядку взбунтовавшееся быдло? – спросил Манташев-старший.

Сказал и осекся, потому что от его слов у Императорского Величества от ярости округлились глаза и встали дыбом усы, отчего он стал похож на своего пращура Петра Великого, только без палки.

– Это Нам здесь решать, в кого стрелять из винтовок и кого бить нагайками! – прорычал Михаил. – Вы, жирные коты, владельцы заводов, нефтяных приисков и газет, считаете себя солью земли и главными людьми в государстве, но это далеко не так. Вас в случае крайней необходимости я могу перестрелять как бешеных собак или сгноить на каторге в Сибири, заменив государственными чиновниками, тем более что почти никто из вас своими предприятиями давно не руководит, переложив это дело на наемных управляющих. А вот тех, кто пашет, сеет, стоит у станка и добывает нефть, мне заменить нечем. Это из их труда проистекает и ваше богатство, и мощь государства. Это простой народ, без различия на русских, армян или татар, я в случае войны должен буду одеть в шинели и послать против врага, это мужики от сохи и рабочие в первую очередь должны верить в справедливость высшей власти... Не отдавая положенного своим работникам, вы совершаете страшный грех, и горе вам, если вы вовремя не одумаетесь!

– Вот так-то, Александр Иванович, – вздохнул Степан Лианозов, – настали для нас страшные времена. Государь-император Михаил Александрович, ударившийся в народолюбство, требует, чтобы мы думали о благополучии своих работников больше, чем о своих собственных нуждах, а в случае неподчинения грозит страшными карами.

– Ну, Сергей Сергеевич, – развел руками Михаил, – времена, понимаешь, для них страшные. Этих людей, пожалуй, ничем не проймешь, алчность их такова, что сверхприбыли для них дороже собственных голов. Ты что скажешь, а то Мы уже начинаем терять терпение...

– Нет, Михаил Александрович, – сказал я, – головы буржуям рубить пока преждевременно. Это всегда успеется, да и отрубленное обратно в случае необходимости не сможет приставить даже Лилия. Для начала их следует хорошенько ударить по карману, а вот как это лучше сделать, необходимо спросить у специалиста, чтобы случайно вместе с шерстью не снять с господ буржуев шкуру.

– Госпожа Смитсон, – спросил Михаил, – а каково ваше мнение по этому вопросу?

– Ваше Величество, – ответила та, – вам какое решение выдать: поверхностное, половинчатое или полностью соответствующее интересам вашего государства?

– Последнее, – неожиданно хриплым голосом произнес Михаил, – государственные интересы для меня важнее всего.

Тут все затаили дыхание, ведь каждый воспринимал слова «государственные интересы» по-своему. Товарищи революционеры подумали, что сейчас эта женщина скажет, что надо закрутить гайки, держать и не пушать, а любое недовольство народных масс подавлять силой

оружия. И в то же время господа нефтепромышленники решили, что сейчас из уст этой суровой как Немезида женщины прозвучит роковое слово «секвестр», и они одним росчерком императорского пера лишатся всего, что было нажито ими непосильными трудами, ведь Михаил уже прямо говорил им, что не исключает и такого решения этого вопроса.

Мой начальник финансовой службы еще раз обвела внимательным взглядом присутствующих владельцев нефтепромыслов и управляющих, от чего тех пробило на холодный пот.

– Первое, что я хочу вам сказать, – в полной тишине размеренно сказала Мэри, – наступающий двадцатый век можно смело назвать веком нефти. Не так давно в Североамериканских Соединенных Штатах полетел первый аэроплан братьев Райт с бензиновым двигателем, в Германии по дорогам поехали первые автомобили конструкции господ Даймлера и Бенца, у вас в России вышел в плавание первый корабль с нефтяным двигателем внутреннего сгорания, а британский адмирал Фишер уже сказал свою коронную фразу: «Кто владеет нефтью, тот правит миром». И этот господин не ошибся. В следующие десять-пятнадцать лет потребность в нефти и продуктах ее переработки будет расти в геометрической прогрессии, и одним из самых крупных потребителей нефти станут военные. Небо над полями сражений заполнят тысячи боевых аэропланов, по земле, вытесняя кавалерию, поползут сотни бронированных механических чудовищ, а в море выйдут быстроходные турбинные крейсера и линкоры на нефтяном ходу. Из этого, Ваше Величество, следует, что нефть является стратегическим товаром, от которого напрямую зависит безопасность вашего государства, а значит, ее добыча, переработка и экспорт должны находиться под непосредственным государственным контролем.

– Госпожа Смитсон, так значит, вы все-таки предлагаете мне провести секвестр или, как говорили у вас в будущем, национализацию всей нефтяной промышленности? – спросил Михаил, в упор глядя на побледневших нефтепромышленников Истинным Взглядом.

– Нет, – покачала головой Мэри, – полная национализация будет шагом отчаяния и не лучшим вариантом. Во-первых – у вас еще нет государственной структуры, которая могла бы управлять национализированным производством, и ее еще требуется создавать. Во-вторых – такое решение приведет к хаосу в экономике и бегству капиталов из страны. Владельцы капиталов подумают, что сегодня вы без объяснения причин национализировали предприятия нефтепромышленников, а завтра это же произойдет с кем-нибудь еще. Нет, секвестр должен касаться только собственности ваших врагов народа, то есть, простите, государственных преступников, а еще предприятий, принадлежащих гражданам враждебных государств, а также тех, чьи владельцы не желают исполнять ваших законов. Будет вполне достаточно, если государство в вашем лице станет контролировать от трети до половины всей нефтяной промышленности. При этом ваши собственные подданные должны сохранить свою собственность, разумеется, при полном соблюдении всех ваших законов и уплате всех положенных налогов и пошлин. Одним из таких законов должен стать обязательный возврат на территорию вашего государства экспортной выручки. При недостатке нефтепродуктов на территории России пошлины необходимо повышать, а при избытке понижать. Полностью следует запретить экспорт нефти и продуктов ее переработки в страны, проводящие враждебную России внешнюю политику. Такой экспорт можно разрешить только в крайнем случае, и только в мирное время, при условии выплаты в доход государства дополнительных пошлин. Кроме того, поскольку добыча и переработка нефти является стратегическим направлением, все организационные структуры с зарубежной регистрацией необходимо ликвидировать, а в совете директоров каждой нефтяной компании у вас должен присутствовать собственный представитель с правом вето, которому будет вменена обязанность блокировать любые решения, идущие во вред государственным интересам. Вот это и называется государственным контролем нефтяной отрасли.

– Ну что, господа нефтепромышленники, – сказал Михаил, – согласны вы на эти более чем гуманные условия, которые в кратчайший срок Нашей монаршей волей будут оформлены в виде законов? Вот вы, господин Мухтаров? Согласны? Ну и замечательно. Господин Гаджин-

ский тоже согласен! А вас, господин Тагиев, никто и не спрашивает. Вы хоть один из самых богатых людей в России, но продали свое дело английским инвесторам, и теперь не больше, чем директор. Великобритания – весьма недружественная для нас страна, и вступая с ее подданными в деловые отношения, вы были обязаны учитывать это обстоятельство. Господин Манташев? Сомневаетесь? А вот ваш сын ничуть не сомневался, когда связался с террористами. Что же, по подвигу будет и награда. Что, вы передумали? Замечательно! Господин Гукасов, задумайтесь и вы о судьбе своего брата. Выслать в другие миры тоже можно по-разному. Можно во вполне цивилизованные времена, к моему деду Александру Николаевичу, а можно туда, где только волки воют по лесам, а люди одеты в шкуры и дерутся камнями. Вы, господин Эклунд, можете не беспокоиться, с Эммануилом Людвиговичем я переговорю в Петербурге лично. А теперь давайте закончим с вопросом назревающей забастовки. Госпожа Смитсон, вам слово.

– Вы, Ваше Величество, очень удачно выбрали себе представителя по трудовым вопросам, – сказала Мэри. – С одной стороны, этот человек не подвержен соблазну подкупа со стороны владельцев предприятий, а с другой, способен удержаться от перегибов в прямо противоположную сторону. Это я говорю потому, что трудовые споры случаются не только на частных предприятиях, но и на тех, что находятся под управлением государства. Что касается трудового спора, то его тоже следует урегулировать на основании сборника законов о труде, которые еще предстоит написать. А пока такого кодекса нет, необходимо комиссионно составить временное соглашение...

– Погоди, Мэри, – сказал я, – комиссионное составление коллективного соглашения я предлагаю перенести в мою вотчину в Тридесятом царстве, потому что на коленке такие дела не делаются.

– Мы согласны, – сказал Михаил, обводя присутствующих Истинным Взглядом. – Нашей императорской волей в состав комиссии со стороны рабочих войдут господин Стопани, госпожа Зеликсон и господин Эфендиев. Со стороны нефтепромышленников комиссию составят господин Манташев, господин Мухтаров и господин Эклунд. Тот, кто не пожелает выполнить комиссионно составленное решение, пусть потом пеняет на себя. Встречаемся завтра днем здесь же.

Так мы и сделали. При этом я был так любезен, что развел недобровольных гостей по домам по схеме «одна нога здесь, другая уже там», то есть через порталы. А вот братья Шендриковы и Арнольд Фейгль отправились в Тридесятое царство в качестве подследственных. Возникло у нас с Михаилом некое предчувствие, что по большей части заварушка в Баку была как раз их рук делом, при этом трое первых играли роли исполнителей, а последний – заказчика. Да и спокойнее будет в Баку без этих оборотов. Вернулся в Зимний дворец и Михаил, а двое солдат внесли за ним статуи господина Накашидзе. Отправился с нами в Тридесятое царство и Левон Манташев. Во-первых, его следовало немного подлечить, во-вторых – прописать хорошую епитимью, чтобы в будущем не хватался всеу за оружие и не связывался со всякой политической шантрапой.

И в самую последнюю очередь я обратился к «чудесному грузину», как называл его покойный в этом мире Ильич.

– Сосо, – сказал я, – официально приглашаю вас стать моим гостем...

– Как братьев Шендриковых, господин Серегин? – резко спросил меня будущий товарищ Сталин.

– Нет, – ответил я, – просто в гости. Неужели вам не интересно проникнуть в тайны будущих времен и понять, что и откуда взялось?

– Самовластный князь зовет в гости сына сапожника! – воскликнул Сосо. – Наверное, мир сошел с ума...

– Да нет, – ответил я, – мир в своем уме, а вот вы, если откажетесь от моего приглашения, впоследствии об этом жестоко пожалеете. Такие приглашения я делаю только один раз. Это

в одной плоскости я князь, а вы революционер и сын сапожника, а в другой все может быть наоборот.

И что же? Сосо согласился. Любопытство оказалось превыше опасений, тем более что в случае отказа я пообещал без всяких проблем переправить его в любое избранное им место.

Шестьсот двенадцатый день в мире Содома. Вечер. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Шагнув вслед за мной через портал в мир Содома, Сосо окинул внимательным взглядом площадь Фонтана, башни-пагоды, потом глубоко вдохнул грудью воздух Высокого Леса.

– Пахнет как в храме... – задумчиво произнес он. – Господин Серегин, а где мы сейчас? В Индии, да?

– Ну, Сосо, – усмехнулся я, – разве можно быть таким невнимательным... Вон, видите кружащих над нами птеродактилей? В наше время даже в Индии эти твари вымерли пятьдесят миллионов лет тому назад. Между собой мы зовем эту часть Мироздания миром Содома, а для посторонних, чтобы не пугать непричастных людей, называем Тридесатым царством. Тут, за семьдесят миллионов лет до нашего времени, находится наша главная база, отсюда мы уходим в походы по мирам, и сюда же возвращаемся, чтобы отдохнуть и обдумать новые действия.

– И в самом деле, «мир Содома» – звучит страшновато... – сказал Сосо, покачав головой и оглядевшись. – Скажите, а это название имеет какое-то отношение к известной всем библейской истории?

– Имеет, – хмыкнул я, – можно сказать, это ее продолжение, впрочем, неизвестное в верхних мирах. Именно сюда, в мир, насквозь пропитанный магией, Господь сослал население тех двух проклятых городов. Но эти люди не исправились, а только усугубили свои пороки, ибо свобода воли человека подразумевает совершенствование как к добру, так и ко злу. Однако как раз здесь я нашел своих первых униженных и оскорбленных, чье положение было даже хуже, чем у обыкновенных рабов, и поубивал их господ. А потом я сказал им: «вы – это я, а я – это вы, и я убью любого, кто скажет, что мы не равны друг другу» и составил из них костяк своей армии. И нет в подлунных мирах более преданных и умелых бойцов, чем мои Верные – остроухие воительницы. Посмотрите по сторонам: вы видите этих гордых и статных красавиц? Это я поднял их из ничего, а они ответили на это преданностью и любовью.

– Вы, господин Серегин, ненастоящий князь, – убежденно произнес Сосо. – Настоящий с презрением относится к простонародью, считая его прахом под своими ногами, а вы говорите такие вещи, которые даже мне кажутся невероятными. Теперь я понимаю, у кого наш новый император набрался таких сногшибательных идей...

– Вы ошибаетесь, Сосо, причем в обоих случаях, – сказал я. – Я настоящий князь, чья сила состоит в преданности верных ему людей, а те князья, которых знали вы – просто надутые самомнением пустышки, глупой спесью прикрывающие отсутствие содержимого, необходимого для этого звания. Что же касается Михаила Александровича, то он изначально был таким, какой он есть сейчас. Мы только избавили его от сомнений и придали уверенности в своих силах. И с вами мы тоже обязательно сделаем то же самое.

– Со мной? – совершенно искренне удивился Сосо. – Но разве я будущий царь?

– В разных мирах вас запомнили по-разному, – глухим голосом сказал я. – В одних ваше положение было равно царскому, в других – отставало он него только на полшага, а власть, сосредоточенная в ваших руках, даже и не снилась бедняге Николаю, которого мне удалось отстранить от трона без единой капли крови и единого выстрела. Пострадавшие при этом японцы не в счет. Их микадо никто не заставлял нападать на Россию.

– Странно, – пожал плечами Сосо, – вы говорите невероятные вещи, в которые я не должен верить, а я почему-то верю. Вы, мой классовый враг, зовете меня в гости; я должен

был отказаться от этого приглашения, а я соглашаюсь, хоть вы меня и не принуждали. Почему так, господин Серегин?

– Мне кажется, что вы, Сосо, согласились на мое предложение как раз потому, что я вас ни к чему не принуждал, – сказал я. – Если вас мучают сомнения, то я прямо сейчас могу переправить вас в любое место по вашему выбору.

– Нет уж, – тряхнул головой Сосо, – если вино налито, то его следует пить. Если я сейчас уйду, то потом всю жизнь не прошу себе этого малодушия, ведь здесь, у вас, я смогу узнать то, что мне не скажут больше нигде.

– Золотые слова, – сказал я, – а сейчас, слышите, бьют в гонг. Время ужина. Приглашаю вас принять участие в самой настоящей трапезе князя с его дружиной.

Он не стал отказываться, и мы пошли. Столовая располагалась в подвалах Башни Силы: огромное помещение, заставленное длинными «эскадронными» столами, магическое освещение, имитирующее свет люминесцентных ламп, заклинание (ослабленная версия Полога Тишины) смягчает стук ложек и гул разговоров.

Я веду Сосо не за гостевой стол, где сейчас ужинает назначенная Михаилом комиссия по рабочему вопросу, а туда, где принимает пищу старший командный состав вперемешку с моей первоначальной командой, Птицей и ее гавриками. Тут все его знают – правда, не такого молодого и в несколько других ипостасях, поэтому я представляю своего гостя очень коротко.

– Знакомьтесь, товарищи, это Сосо. Пока просто Сосо, а там поглядим.

– «Товарищи»? – потрясенно переспросил тот, присаживаясь на табурет, который для него оперативно принесла работница столовой из бывших мясных.

– Да, Сосо, товарищи, господ тут нет, – сказал я, усаживаясь во главе стола. – И даже моя супруга, в девичестве княжна Волконская, Елизавета ибн Дмитриевна, сидящая от меня по левую руку, тут тоже товарищ штурм-капитан. И графиня из далекого нечеловеческого мира Зул бин Шаб с дочерьми – нам тоже товарищи. Именно сейчас вы видите настоящего Артанского князя Серегина, а не тот образ, который я обычно показываю разным посторонним людям.

– А император Михаил об этом знает? – понемногу приходя в себя, спросил Сосо, принимая из рук подавальщицы глубокою миску с жарким из овощей, картофеля и мяса уткозавра.

– Император Михаил является Верным нашего Бати, – вместо меня ответила Кобра, окинув моего гостя теплым взглядом темных глаз, – а следовательно, он нам тоже товарищ. Ешьте, Сосо, не стесняйтесь, здесь вы среди друзей.

– Тебе, Кобра, партийное поручение, – сказал я, – после ужина отведешь нашего гостя в библиотеку к Ольге Васильевне и попросишь ее составить краткий обзор с тысяча девятьсот четвертого по восьмидесятые годы. Остаток истории, вплоть до нашего две тысяча семнадцатого года, доскажешь устно, чтобы Сосо понял, за что мы так не любим «товарищей» с националистическим душком, а также разных пустоголовых демократов. А потом подходи с ним на танцульки. Пообщаемся в относительно непринужденной обстановке...

– Спасибо за честь, Батя, – кивнула Кобра, – сделаю все в лучшем виде. Но почему ты сам не займешься таким дорогим гостем?

– Мне будет некогда, – отрицательно покачал головой я, – потому что в это время я вместе с мисс Мэри буду укладывать в одну постель пламенных революционеров и кондовых капиталистов, чтобы в результате они родили мне некий взаимоприемлемый документ по рабочему вопросу. А это не так просто.

Шестьсот двенадцатый день в мире Содома. Поздний вечер. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Мудрости.

Библиотекарь Ольга Васильевна Потапова.

Два часа, что отделяют ужин от начала танцулек, в библиотеке самое горячее время. Народ торопливо приникает к книжной мудрости перед тем, как, востепенувшись, пойти, как говорит Ася-Матильда, «колбаситься и топыриться» под звуки нашего сводного оркестра. Сначала я была в шоке от такого сочетания духовного и не очень, а потом привыкла. Народ у нас тут по большей части молодой или радикально омоложенный, и поэтому физическая активность и положительные эмоции диких танцев для него не менее важны, чем книжные знания. Да и мне самой, помимо поправки здоровья, уже неоднократно предлагали скинуть лет двадцать, да только я пока воздерживаюсь. Вот и мой Александр Семенович на радикальное оздоровление организма согласился, а на уменьшение видимого возраста – нет, и теперь бегаёт как молодой, сохраняя при этом солидную внешность мужчины, которому «за сорок». И только иногда, когда оркестр играет медленный танец, мы с ним выходим вспомнить молодость, в остальное же время предпочитаем оставаться в роли зрителей.

Но сегодня привычное течение событий оказалось нарушено сначала Митей-Профессором, попросившим у меня по поручению Серегина советский КЗоТ «для одного важного дела», а потом и Никой-Коброй, которая привела с собой плохо одетого молодого человека кавказской наружности, кого-то мне смутно напоминающего.

– Ольга Васильевна, душечка, вот этого юношу зовут Иосиф, – сказала она, сделав ударение на последнем слове. – Сделайте ему, пожалуйста, конспективную подборку материалов за двадцатый век, от тысяча девятьсот четвертого года по ваше время. А потом я расскажу ему, что было дальше, вплоть до нашего две тысячи семнадцатого...

Я подумала, что прежде такую же подборку мне приходилось делать для Николая Второго, только там период по понятным причинам ограничился восемнадцатым годом, а тут требуется кратко изложить весь двадцатый век, да еще потом Ника от себя собирается рассказать о том, что было уже после нас. Я, например, когда узнала, чем должна была закончиться Перестройка, то плакала долго и горько...

И только потом с неизбежной очевидностью мне вдруг стало ясно, что за Иосифа привели ко мне в библиотеку... наверняка по указанию самого товарища Серегина. Никакой другой вариант при этом даже не просматривался. Руки мои, снимая с полки учебники по истории СССР за 9-й и 10-й классы, а также учебник «Истории КПСС», дрожали. У нас об этом человеке говорили или очень плохо, или никак, но когда я завела об этом разговор с Серегиним, он сказал, что эта пропаганда была частью негативной демобилизующей обработки, результатом которой стало то, что огромная страна без единого выстрела пала перед внешним врагом. Ангелом с белыми крыльями тот человек не был, исчадием ада тоже, просто он делал, что мог и как умел в условиях жесточайшего враждебного окружения, фронды внутри собственной партии и экономической слабости страны, доставшейся большевикам от побежденного царизма. Серегину я верю, так что к столу, за который сели эти двое, я подходила, уже вполне успокоившись.

– Вот, Иосиф, – сказала я, протягивая книги, – тут все, что вам требуется.

– Благодарю вас, уважаемая Ольга Васильевна, – сказал он и вдруг спросил, подняв глаза: – Скажите, а вы из какого года?

– Из плохого года, Иосиф Виссарионович, – ответила я, вздохнув, – тысяча девятьсот восемьдесят девятого. И только попав сюда, мы узнали, что у нас там все было еще не так плохо, и после нас были годы хуже и гораздо страшней. Но прежде чем вы сможете задавать вопросы, вам следует хотя бы бегло прочесть три этих книги.

– Я обязательно прочту, – тихо сказал он, – иначе зачем я вообще сюда пришел. Но не будете ли вы любезны мне лист бумаги и карандаш, чтобы я мог делать пометки.

Ну точно – это он... Никому другому не пришлось бы в голову читать школьные учебники с карандашом в руке. Хотя это для нас учебники, а для него – сборник великих откровений о том, что было в нашей истории и что никогда не случится в этом мире, потому что Серегин

непрерывно перевернет тут все вверх дном. И потом, когда я принесла ему школьную тетрадь в клеточку (18 листов) и шариковую авторучку, потому что карандаша не нашлось, он задал мне последний вопрос:

– Ольга Васильевна, раз вы давеча назвали меня по имени-отчеству, наверное, я там у вас был известным человеком?

«Наивная святая простота... – мысленно вздохнула я, – известней его, пожалуй, был только Иисус Христос». Потом я взяла тетрадь и прямо на обложке – там, где обычно пишут имя и фамилию ученика – дуря от собственной храбрости, четкими печатными буквами начертала: «И. В. СТАЛИН» и сказала:

– Когда встретите в тексте упоминание об этом человеке, то знайте, что это ваш последний и самый главный партийный псевдоним, ставший вам второй фамилией.

– Благодарю вас, – сказал он, склонив голову, – я это учту.

Шестьсот двенадцатый день в мире Содома. Без пяти минут полночь. Зброшенный город в Высоком Лесу, Магическая танцплощадка.

Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь Артанский.

Сосо вместе с Коброй объявились на танцуйках уже к полуночи, когда весь жар и пыл был уже позади. Вид у него, надо сказать, был такой, что краше в гроб кладут. Подойдя к моему столику, он склонил голову и сказал:

– Товарищ Серегин, – сказал он, – я прошу у вас прощения за слова, сказанные мной по неведению и сгоряча. Я не только бегло прочел книги, которые дала мне любезная Ольга Васильевна, но и переговорил в библиотеке с некоторыми из ваших людей. Теперь мои прошлые мнения мне же самому кажутся нелепыми и смешными. Я думаю, что вы тогда были правы: настоящий князь и должен быть таким как вы – гордым без гордыни, добрым без слюнтяйства, сильным без жестокости и справедливым без равнодушия.

Вот это «товарищ» вместо «господина», как говорил один политический деятель в мое время, стоило дорогого. Поэтому я поставил вокруг нашего столика Полог Тишины, встал и, пожав будущему товарищу Сталину руку, сказал:

– Садитесь, Сосо. Я вижу, что у вас еще остались вопросы, так что давайте поговорим.

– Поговорим, товарищ Серегин, – сказал он, – в первую очередь, скажите: почему вы поддержали не нас, революционеров-большевиков, а принялись укреплять изрядно обветшавший царский режим? Я понимаю, что на фоне своего брата император Михаил выглядит почти идеальным правителем, но все же устроенная вами рокировка в Зимнем дворце кажется мне полумерой.

– Сосо, а вы готовы взять власть прямо сейчас? – спросил я. – Ведь тогда потребуются не только сломать существующую систему до основания и подавить сопротивление враждебных классов. Вам будет необходимо построить новый государственный аппарат, наладить в стране жизнь по новым правилам, а также отбить вооруженное вторжение всех соседних держав, которые непременно захотят поживиться за счет ослабевшей России.

– Нет, – после некоторого размышления сказал Сосо, – к такому мы сейчас не готовы. Нас еще очень мало, и, кроме того, мы плохо представляем себе, что нужно делать после взятия власти. К тому же многие товарищи уверены в истинности постулата классического марксизма о неизбежном отмирании государства после победы коммунистической революции. А, как я теперь понимаю, это совсем не так...

– Вы правильно понимаете, – кивнул я, – отмирание государства – это возврат в пещеры. Всякое сколь-нибудь развитое общество нуждается в структурировании, которое и называется государством. Часть функций государственного аппарата при социализме и коммунизме и в самом деле может отмереть, но вместо них появятся другие, неведомые прежним социальным формациям.

– А вы не могли бы назвать пример таких новых функций? – с интересом спросил Сосо.

– Централизованное медицинское обеспечение всего населения, – сказал я, – система народного просвещения с обязательным бесплатным средним образованием, система социального обеспечения, система централизованного управления экономикой и государственного планирования производства. Если посмотреть внимательно, то социалистическое государство оказывается в разы сильнее, и даже, можно сказать, властнее, чем предшествующая феодально-буржуазная формация. И все-таки у нее есть свои недостатки, которые и привели ее к гибели.

– Да, товарищ Кобра мне об этом говорила, – прикусив губу, произнес Сосо, а потом, подняв на меня взгляд, спросил: – Так вы, товарищ Серегин, решили с помощью своего нечеловеческого могущества соединить положительные стороны двух формаций и исключить отрицательные?

– Да это, собственно, не я начал, – сказал я, пожав плечами, – в мире моей супруги, значительно более развитом и счастливым, чем наш с Коброй, вас, Сосо, знают как Иосифа Виссарионовича Джугашвили, бессменного вождя партии большевиков и премьер-министра Российской империи с шестнадцатого по пятьдесят шестой год, верного сподвижника императора Михаила Великого.

– Но я не понимаю, как так могло получиться! – воскликнул он. – Как я понимаю, товарищ Серегин, без вашей подсказки даже император Михаил, будь он и в самом деле так хорош, как вы об этом говорите, ни за что не стал бы сотрудничать с нашей партией.

– Как выяснилось еще в самом начале нашей эпопеи, – хмыкнула Кобра, – задолго до нас в некоторых верхних мирах порезвились так называемые Старшие Братья, переустроившие их в соответствии со своим представлением о прекрасном. У них, Сосо, не было наших сверхспособностей, вместо того они оседали в этих мирах, руководя и направляя их развитие.

– Зато у нас нет возможности положить свою жизнь ради благополучия этого мира, – сухо сказал я, – впереди нас ждут новые миры и новые задания, а потому мы только переведем для вас стрелки, а дальше вы уже пойдете сами. Ваш император Михаил еще до своего воцарения в общих чертах ознакомился с делами своего брата-двойника и согласился пойти тем же путем. Теперь, Сосо, дело за вами: согласитесь вы последовать примеру вашего двойника из другого мира или уйдете к новому императору в непримиримую оппозицию.

– Вы, товарищ Серегин, обращаетесь только ко мне или ко всей партии большевиков в целом? – тихо спросил Сосо. – Во втором случае вам следует обращаться не ко мне, а к лидеру нашей партии, товарищу Ленину. Он сейчас в эмиграции, в Женеве.

Мы с Коброй переглянулись.

«Ну вот, видишь, до чего нас довела твоя горячность, – мысленно сказал я. – А ну как Сосо, услышав о смерти своего учителя, с твоей, между прочим, подачи, взбунтуется и уйдет в глухой отказ? И соврать мы ему ни в каком виде не можем. Мне лгать и покрывать ложь не положено по должности, а если солжешь ты, то он это обязательно почувствует. Быть может, не сразу, но через некоторое время обязательно. И тогда он станет нам врагом – только потому, что однажды мы ему солгали по такому важному вопросу. Такая уж у этого человека натура».

«Я скажу ему обо всем сама, – так же мысленно ответила Кобра, – прямо сейчас, честно и откровенно. Знаешь, Батя, я ничуть не жалею о том, что сделала. Я и раньше не особенно любила этого политического деятеля, сначала втравившего страну в Гражданскую войну, а потом разделившего ее на пятнадцать республик. Но только попав сюда и столкнувшись с ним вплотную, я поняла, насколько с ним все плохо. Мы, маги Огня, не приходим в ужас, как обыкновенные люди, и в то же время мы не в состоянии мыслить так четко и рационально, как адепты Порядка вроде тебя. Мы знаем, что колдунов, кем бы они ни были, следует уничтожать без всякой пощады, поэтому, когда такой персонаж оказывается от нас на расстоянии прямой досягаемости, с нашей стороны следует почти произвольная вспышка благородной

ялости, после чего от негодяя остается только горсть пепла. Женеве еще повезло, что мой удар был чисто виртуальным, а не физическим, а иначе на этой улице Каруж не миновать крупного пожара с десятками жертв».

«Не надо нам никаких лишних жертв, тем более среди ни к чему не причастных некомбатантов, – послал я ей ответную мысль. – И так того, что сделано, уже выше крыши. Пообещай мне, что в следующий раз, то есть на площадке четырнадцатого года, ты не будешь размахивать направо и налево своей Дочерью Хаоса, а дождешься момента, когда мы изыдем всех причастных сюда в мир Содома, чтобы разобраться, откуда в этом деле растут руки и откуда ноги...»

«Я обещаю, Батя», – безмолвно ответила Кобра и перевела свой взгляд на нашего гостя, обеспокоенного затянувшейся паузой.

– Понимаешь, Сосо, – сказала она вслух, – мы не можем обратиться с предложением к товарищу Ленину, потому что его просто больше нет среди живых. Он скоропостижно скончался во сне несколько дней назад, и должна признаться, что непосредственной причиной его смерти была я сама.

– Но как вы, товарищ Кобра, могли стать причиной смерти товарища Ленина? – вскричал жестоко сбитый с толку Сосо. – И как так вообще могло получиться?

– Чтобы ответить на ваши вопросы, надо начать с двух главных обстоятельств, – сказал я, – Во-первых – ваш юный Володя Ульянов, будущий Ленин, пошел в революцию в основном по мотиву мести за старшего брата, казненного вполне за дело. Если убить царя, то всеобщего счастья от этого не наступит, а скорее, наоборот. Борьба за народное счастье была для него не самоцелью, как для вас, а лишь прикрытием для тщательно лелеемой ненависти не только по отношению к царской фамилии, но и к Богу, именем которого правят Романовы, а также к тому самому народу, права которого он декларативно защищал. А как же иначе, ведь тот самый народ истово верил в доброго царя-бабочку и совсем не торопился восстать, чтобы низвергнуть ненавистное самодержавие. И отсюда происходила его непонятная вам послереволюционная политика, когда, создавая на месте Российской империи Советский Союз, товарищ Ульянов разделил его на множество национальных республик. Вы, приняв от него власть, поставили себе задачу построить новую историческую общность «советский народ», создать которую можно было только вокруг сильного великорусского ядра, но претворению ваших планов в жизнь мешали внутренние границы, проведенные самим непогрешимым отцом-основателем вашего государства. Чем это обернулось впоследствии – вы уже знаете от Кобры. После вашей смерти построенная с таким трудом система деградировала и к концу века развалилась, не только откатившись из социализма обратно в капитализм, но и утратив государственное единство...

– Но товарищ Ленин не мог предвидеть того, что случится через шестьдесят с лишним лет! – воскликнул расстроенный Сосо.

– На самом деле мог, – сказал я, – ведь при создании Советского Союза за образец он брал лоскутную империю Габсбургов, а та к двадцать второму году уже успела развалиться на множество карликовых национальных государств. И уж ни в какие ворота не лезла передача территорий с чисто русским населением в состав вновь создаваемых национальных республик с целью их так называемого «укрепления». И в том, что русские в двадцать первом веке оказались одним из самых больших разделенных народов в мире, а все окрестные народы подпали под власть националистических «элит», оказался виновен человек с двойной фамилией Ульянов-Ленин.

– И за это вы его убили, да? – спросил расстроенный Сосо, отодвигаясь от меня прочь. – Неужели нельзя было как-то по-другому доказать свою правоту и убедить товарища Ленина, что он ошибается? Наверное, вы очень сильно торопились, да? Нет человека – и нет проблемы...

– На самом деле, если бы товарищ Ленин был бы просто обыкновенным человеком, обрабатываемым завиральными идеями, или мы были бы самыми обычными людьми, действующими только на физическом уровне, – ответил я, – то мы поступили бы с ним так же, как Старшие Братья из мира моей супруги. Они поставили его перед выбором: либо сотрудничество с отказом от низвержения самодержавия и воплощением всех остальных идей, либо полный отказ от политической деятельности, либо физическое уничтожение. Там он выбрал первый вариант, и здесь было бы так же. Но ни ваш Ленин, ни мы ни в коем случае не обыкновенные люди.

– Что значит «не обыкновенные люди»? – встопорщился Сосо.

– Батя – адепт Порядка и младший архангел, – сказала про меня Кобра, – бог русской священной оборонительной войны и Бич Божий для всяких негодяев. Мощь его так велика, что никто не знает ее пределов, но он пользуется ей крайне осторожно. Если бы решать довелось ему, то все было бы как обычно, и ваш Ленин остался бы жив. Я – магиня огня высшего посвящения – вот, смотри... – В подтверждение своих слов она зажгла на ладони пылающий жаром плазменный шар, – и я являюсь ему прямой противоположностью. Я, как сам огонь, импульсивна, горяча и сначала что-то делаю, а потом уже думаю. Обычно это оправданно, потому что мне приходилось иметь дело с морскими чудовищами, трехглавыми драконами и прочей мерзостью, которую и вправду следует уничтожить, а только после задумываться, что это было. Другие наши товарищи – тоже люди необыкновенные. Вьюнош Дима – сильнейший маг-исследователь, Анастасия – маг стихий ветра и воды. Второй Всемирный Потоп не устроит, но тропический тайфун ей вполне по силам. Ну или тихий грибной дождик на половине страны, в то время когда крестьянские поля изнывают от засухи. Анна Сергеевна или иначе товарищ Птица – магиня Разума. Она помогает людям разобраться в себе, избавиться от чужеродных сущностей и ловушек сознания, а также осознать, что для них главное, а что суета сует. И ваш Ленин тоже не был обыкновенным человеком, только, в отличие от нас, получивших дополнительные способности тут, в нижних слоях Мироздания, он был неинициализированным колдуном, обращающим вытянутую из последователей жизненную энергию на воплощение своих политических планов.

– Я вам не верю, товарищ Кобра! – возмущенно сказал Сосо, – товарищ Ленин – колдун? Это же смешно...

– Нет, Сосо, – с горечью сказала Кобра, – это не смешно. Иначе как он мог произвести ментальную атаку на товарища Птицу, когда та чистила сознание бывшего императора Николая, готовя его к тому, чтобы он сам, по доброй воле, передал трон своему брату? Почувяв слабость и растерянность своего старого врага, он атаковал его, желая окончательно вбить в прах, а когда Птица встала на защиту своего пациента, то насланные вашим Лениным образы революционных матросов угрожали ей немедленным убийством. Птица – это самый безобидный и беззащитный член нашей команды, она не только не применяет насилия сама, но и совершенно не умеет от него защищаться. Поэтому, когда она попадает в беду во время своих экспедиций в подсознание, мы с Батей кофе не допиваем и партию в шахматы не доигрываем. А ваш Ленин был человеком совершенно другого склада. Трус перед тем, кто сильнее него, над тем, кто не в состоянии ответить на его агрессию, он чувствовал свою полную власть и всегда доводил дело до полного морального уничтожения. Припомните случаи в партийной жизни, когда любой из ваших товарищей, хоть в чем-то не сошедшийся в мнениях с главным вождем, сразу становился объектом самой беспощадной травли. Малейшее сопротивление, которое воспринимается как покушение на ментальную кормовую базу – и человек становится ему смертельным врагом. Когда мы примчались на помощь Птице, то картина была вполне однозначна. Успей Батя раньше – и все могло бы пойти по-другому, но первой оказалась все-таки я. Я не стала уничтожать насланные сущности – это так же бесполезно, как и топтать ногами разбегающихся по полу тараканов. Не прикасалась я к вашему Ильичу и на физическом плане. У меня и мысли не было о том, чтобы открывать портал в маленькую квартиру на женевской улице Каруж и

вершить там свое огненное правосудие. Клянусь вам в этом тем Огнем, который горит внутри меня. Я просто нащупала сознание того, кто атаковал нашу Птицу, и нанесла по нему ответный ментальный удар, выразившийся в виртуальной декапутации глумливого засранца. Мы, маги Огня, решительны и скоры на расправу. А потом я бросила образ головы вашего Ленина перед беснующейся революционной толпой – и та тут же истаяла в беспощадном свете наступившей новой реальности. Кровавой революции, затмившей французские художества столетней давности (*для 1904 года*), задуманной вашим вождем, уже не будет, не будет двадцати миллионов погибших, разоренной и вытоптанной страны, где брат пошел на брата, а сын на отца. А вот что будет, решать уже вам с императором Михаилом, или же только Михаилу, если вы откажетесь от сотрудничества и уйдете в глухую оппозицию.

Я думал, что после это исповеди Кобры Сосо вскочит и заявит, что он больше никогда не будет иметь с нами дела, но, видимо, великий прагматик уже начал побеждать в нем горячего кавказского парня. Минут пять он сидел в полной тишине, а потом глухим голосом сказал:

– Я признаю ваше право защитить своего товарища от кого бы то ни было, будь это хоть сам товарищ Ленин. Возможно, на вашем месте я поступил бы по-другому, но я – это я, а вы – это вы. Но меня сейчас интересует другое. Вот вы, товарищ Кобра, обвинили товарища Ленина в том, что после революции он развязал жестокую гражданскую войну. Но разве могло быть как-то иначе в условиях, когда свергнутые угнетатели будут всеми силами пытаться вернуть себе привилегированное положение и снова господствовать над народом?

– На самом деле все могло быть совершенно иначе, – жестко сказал я. – Об этом нам говорить опыт еще одного мира, из которого к нам упал офицерский костяк кавалерийского корпуса. Там те же, или почти те же Старшие Братья в самый канун социалистической революции провели рокировку в партии большевиков. Вас, Сосо, выдвинули в председатели Совнаркома, а товарища Ленина переместили на законодательную работу, ибо Советской Республикой было невозможно управлять с помощью декретов. И ничего самого страшного не произошло: не было ни позорного Брестского мира, ни бессудного расстрела царской семьи, ни Гражданской войны, ни террора против эксплуататорских классов, под которыми отчаянные поклонники люмпен-революции понимали всех образованных людей, а их и без того в России было крайне недостаточно. Вместо выборов в Учредилку – отмененных, потому что в воюющей стране вообще-то такими делами не занимаются – через полгода состоялись выборы в Верховный Совет Советской Республики, которые партия большевиков выиграла с разгромным результатом, получив мандат доверия народа на избирательных участках, а не в ходе братоубийственной бойни. Да и как же могло быть иначе, ведь все остальные политические силы к тому времени обанкротились, а большевики сделали для народа все, что обещали, или даже больше. И все это, Сосо, под мудрым руководством товарища Сталина и при полном непротивлении Ильича...

– Да, – сказал будущий товарищ Сталин, – задали вы мне задачу. Когда я услышал о смерти товарища Ленина, то испытал от этой новости возмущение и недоверие к вашим словам. Но у вас, товарищ Серегин, тут репутация человека, который никогда не врет и не дает врать другим, а товарищ Кобра скорее обратит своего оппонента в прах, но не будет ему лгать. Теперь я должен думать над всем этим, очень хорошо думать, чтобы потом не было безумно стыдно за неправильно сделанный выбор...

– Давайте сделаем так, – сказал я, – сейчас я отведу вас, Сосо, в гостевые апартаменты, где вы сможете как следует выспаться. А завтра с утра вы переговорите с людьми, которые знали вас во всех ваших трех ипостасях, а уж затем, если у вас будет такое желание, я организую вашу встречу с императором Михаилом. Договорились?

– И вы за ночь успеете подговорить своих людей, что и как им мне говорить? – спросил Сосо. Но тут же сам ответил на свой вопрос: – Нет, я вижу, что вы никогда не будете заниматься

такими вещами, потому что это совсем не в вашем характере. Ведите меня в свои «гостевые апартаменты», пусть даже это будет местная тюрьма...

К тому времени, когда мы встали из-за стола, танцуйки уже закончились, оркестр прекратил играть и собрал свои инструменты, и даже магическое освещение танцплощадки пригасло до дежурного уровня. Мы с Коброй отвели Сосо в Башню Власти: если он и в самом деле будущий товарищ Сталин, то ночевка в этом месте благотворно повлияет на него, а если нет, то завтра с утра нам надо будет начинать процесс приручения партии большевиков с самого сначала. Но почему-то мне кажется, что такого не потребуется.

Шестьсот тринадцатый день в мире Содома. Утро. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Власти.

Ночь Сосо провел так же беспокойно, как и весь предшествующий день. Ум его был занят попытками осознать свое новое место в мире, поэтому, едва он смежил веки в маленькой комнате, похожей на номер в заштатной гостинице, только без клопов и тараканов, аура Башни Власти стала насыщать его сон образами соответствующей направленности. У Духа Города, верно служащего новому хозяину, все ходы записаны – и когда важный гость мысленно задавал вопрос, ему тут же приходил соответствующий ответ. Вроде человек спит, а на самом деле работает с документами.

Картины блистательного и победоносного мира, из которого происходит супруга Артанского князя... Чистый, будто только что вымытый, Санкт-Петербург двадцать первого века, без трущоб на окраинах. Люди на улицах, одетые так, что не понять, кто из них барин, а кто мужик. Воспоминания подчиненных майора Красной Гвардии Половцева: трепещущие на осеннем ветру алые знамена и мерный шаг курсантских коробок в день Революции. И если от первой картины веяло холодом, как с какой-нибудь заснеженной вершины, то вторая вызывала у Сосо теплые чувства. В этом мире революция не только победила, но и сумела породить крепкое государство, сохранившее ее завоевания даже в двадцать первом веке. Именно там он достиг своего максимального успеха, подняв учение Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина на недостижимую в других мирах высоту.

Потом пошли мрачные картины из прошлого Артанского князя и его изначальных спутников. Разоренная заплеванная страна в лихие девяностые, совсем недавно пережившая величайшую геополитическую катастрофу, наглые жирные рожи нуворишей, растащивших в частную собственность общенародное достояние, и народные массы, выживающие на грани нищеты. Потом тяжкое, трудное восстановление, сопровождающееся периодическими откатами к исходным рубежам. Вот только, кажется, начали прилично жить – и опять слышно: «не смейте кошмарить бизнес» и «денег нет, но вы держитесь». Теперь Сосо была понятна та беспощадная ирония, с которой товарищ Серегин разговаривал с нефтепромышленниками. Сознывая их нужность на данном историческом этапе, Артанский князь не видел для них дальнейшей перспективы, ибо, с его точки зрения, в правильно устроенном государстве есть место только для средней и мелкой буржуазии, но отнюдь не для крупной.

Потом пошли картины похода по мирам: от первого мгновения, когда отец Александр поверг порождение Нечистого, и до разгрома японской армии при реке Шахэ. Картина напоминала катящийся с горы снежный ком, который с каждым оборотом не только увеличивался в размерах, но и становился все плотнее. Первоначальная команда, амазонки, тевтоны, волчицы, остроухие воительницы гренадерских статей, бойцы и офицеры советского танкового полка, артаны, древнерусские воины, освобожденные полоняники из мира Смуты, русские солдаты времен войны с Наполеоном – все они сбились вокруг товарища Серегина в один неразделимый монолит, без различия на эллинов и иудеев, бар и холопов. Особенно впечатлила Сосо сцена с уничтожением товарищем Коброй трехголового дракона. Только что была смертонос-

ная бронированная тварь, дышащая огнем – но вот взметнулась в небо огненная комета, сверкнула вспышка, прогремел гром, и из облака дыма к земле падают горящие лохмотья...

Показали ему и то, как случилось несчастье с товарищем Лениным, легко узнаваемым в образе главного матроса. Кто ж заставлял его приказать затыкать штыками слабую женщину, всего лишь желавшую защитить своего пациента? Да и сам Николай после предписанной ему Артанским князем обработки уже не представлял собой никакой угрозы. Было в поведении Старика (*один из партийных псевдонимов Ленина*) что-то, заставляющее поверить во все, что о нем рассказывал товарищ Серегин, назвавший его «глумливым засранцем». Мстя за былые реальные или мнимые унижения, после победы революции этот человек будет готов благословить самый беспощадный террор против бывших правящих классов, даже несмотря на то, что такой образ действий будет вреден для первого в мире государства рабочих и крестьян. Но почему прежде никто из товарищей не замечал таких особенностей поведения будущего вождя мировой революции?

И тут ему приснилась Кобра.

– Дело в том, Сосо, – сказала она, – что ваш Ильич (такой клички Ленина Сосо не знал, но сразу понял, о ком речь) был великим конспиратором и шифровался не только от сатрапов проклятого царизма, но и от своих товарищей по партии. Даже взяв власть, он предпочитал совершать свои злодеяния чужими руками. Но в своих снах человек может позволить себе то, чего он никогда не сделал бы наяву. Ведь сон – дело обычно сугубо личное, к которому нет доступа посторонним. Должно быть, много раз он думал над тем, что сделает со всей этой камарильей после того, как добьется своего, и проклятое самодержавие падет. Вспомните Робеспьера, превратившегося в комок неприкрытой ненависти, который отправлял на гильотину не только ненавистных ему дворян, но и своих товарищей по партии.

– Вы думаете, что товарищ Ленин напал на товарища Птицу, потому что понимал, что это сон, и считал, что никто об этом никогда не узнает? – спросил Сосо.

– Да, вы правы, – согласилась Кобра, – потому что если бы ваш Ильич бодрствовал, то ограничился бы зажигательной речью с крыши броневика. Мы бы ему еще потом за нее спасибо сказали, ибо иное слово может ударить не слабее, чем штык в живот, и Николай после такой обработки немедленно сбежал бы с трона впереди собственного визга. А так нам еще потом его приходилось доламывать. Но Ленин в тот момент спал, а потому пошел совсем другим путем, который закончился для него тем, что хуже обыкновенной смерти. Это для обычного человека сны – это только сны, а для людей нашего магического сословия это либо пророчество, либо оскорбление действием. Для нас, магов, не существует отговорок: мол, это было во сне. Если мы не будем себя контролировать, то, проснувшись, можем увидеть, что кошмарный сон продолжился наяву.

– Но если это был только сон, так, быть может, товарищу Птице ничего не угрожало, кроме кошмарного пробуждения? – спросил Сосо.

– Угрожало, – покачала головой Кобра, – она у нас часто ныряет внутрь сущности разных людей, стремясь им помочь и избавить от разных личностных проблем, и не всегда это бывает безопасно. Один раз во время такой ментальной экспедиции мы недоглядели, и ее ударили ножом в живот. Можете мне поверить – рана оказалась настоящей. И настоящими были трупы засранцев по ту сторону сна – наша черная метка миру воплощенного кошмарного бреда, в который пока нет прямого доступа. Но не будем больше об этом; проблемы того мира не имеют отношения к нашим нынешним делам.

Казалось бы, Сосо спал и видел сны, но, в отличие от обычных сновидений, забывающихся сразу после пробуждения, утром, он помнил все, что ему снилось, в малейших деталях. Да и сон ли это вообще был?

– Да, – подтвердила ему товарищ Кобра за завтраком, – у нас тут не бывает обыкновенных снов даже для обыкновенных людей, а ведь вы, Сосо, у нас человек необыкновенный. Судя

по вашему рассказу, Башня Власти приняла вас как законного постояльца, а это, знаете ли, весьма высокая оценка. Хотела бы я сунуть туда Кукурузного Хруща или Меченую Гниду, чтобы полюбоваться на то, в какой кисель наутро превратятся их мозги. А вы оттуда вышли как ни в чем не бывало, не заработав даже легкой головной боли.

– Головная боль есть, – признался Сосо, – но не настоящая, а в переносном смысле. Я понимаю ваше стремление переделать этот мир, не доводя дело до настоящей революционной ситуации, и в то же время получившийся результат будет для меня чужд. Умом я понимаю, что так будет лучше для всех, а сердце говорит мне, что если товарищу Михаилу удастся все задуманное, то самодержавное правление в России будет сохранено навсегда. Эта самая Башня Власти показала мне мир товарища Волконской. По сравнению с нашими нынешними делами, там величайший прогресс, наука достигла невиданных высот, государство могуче, народ благополучен, а император для своих подданных – добрый отец, а не жестокий угнетатель. И все же получившаяся картина не вызывает во мне радостного восторга. Кому-то такое может понравиться, а мне нет. Гораздо больше мне по душе мир товарища Половцева, где социалистическая революция в России все же произошла, но при этом ее постарались избавить от самых вопиющих детских болезней. Там, как мне кажется, народ и государство не разделены прозрачной, но непробиваемой стеной абсолютной монархии, а пребывают между собой в нерушимом диалектическом единстве...

– Вы понимаете, Сосо, – сказал Артанский князь, внимательно слушавший этот разговор, – что здесь, в вашем мире, мы ни в коем случае не можем предложить революционный путь развития?

– Понимаю, товарищ Серегин, – тяжело вздохнув, ответил тот, – и поэтому, когда вы пойдете дальше по мирам, я тоже хотел бы уйти с вами... Со смертью товарища Ленина партия большевиков фактически прекратила свое существование, ведь это именно он был нашей объединяющей и направляющей силой. И одновременно с началом реформ императора Михаила исчезнут и основания для дальнейшего существования большевизма как политического явления. Не с чем нам будет бороться, ибо все самые вопиющие проблемы власть собирается разрешить сама, без нашего участия, а это уже не для меня. Пока вы действуете в моем родном мире, я, конечно, помогу вам чем смогу, но потом мое место будет уже не здесь.

– Вы понимаете, что на следующих площадках в четырнадцатом и сорок первом годах будут свои товарищи Сталины, и вам там тоже не будет места? – спросил Артанский князь.

– Да, товарищ Серегин, – согласился Сосо, – и не претендую там ни на что большее, чем роль одного из ваших помощников. Ведь я еще не настоящий товарищ Сталин, а только заготовка для него. Ведь мне еще учиться и учиться, в том числе и у людей из вашей команды. На самом деле я подумал о мирах, лежащих, как вы говорите, выше пресловутого девяносто первого года – где социализм уже пал, но образовавшееся дикое буржуазное государство все равно потребует переделывать во что-то более человекообразное.

Наступила тишина. Артанский князь переглянулся с Коброй, а потом и с Анной Струминой.

– В общем, мне нравится ход ваших мыслей, Сосо, – сказал он после безмолвного обмена мнениями, – а детали этой операции можно обговорить позже. А пока добро пожаловать в команду, товарищ... Бесоев. Пусть это громкое в некоторых мирах имя послужит вам псевдонимом, чтобы в Основном Потоке зря не пугать людей фамилиями «Джугашвили» и «Сталин». А сейчас мы должны заняться текущими делами. Лилия!

Хлоп! И вот возле стола стоит мелкая божественность собственной персоной, в древнегреческом хитончике и с нимбиком над головой. Непривычного человека такие появления могут довести до икоты, но Сосо даже глазом не повел.

– Слушаю тебя, папочка, – спросила она, сдувая со лба непослушную челку.

– Вот этого человека, – Серегин указал на Сосо, – необходимо обследовать и выработать рекомендации по лечению...

– Но, товарищ Серегин, – возразил тот, – я абсолютно здоров...

– Не протестуйте, товарищ Бесоев, – твердо сказал Артанский князь, – вы же сами выразили желание отправиться с нами по мирам, а это дело неизбежно начинается с медкомиссии. Такой уж у нас порядок. Потом вами займутся отец Александр, Дима-Колдун, Анна Сергеевна и наш главный специалист по иконам стиля мисс Зул. Мне не нужно делать из него слащавого красавчика, но надо добиться, чтобы, когда он будет входить в Зимний дворец, ни одна собака не посмотрела на него второй раз. Выглядеть он должен молодо, прогрессивно, и в то же время абсолютно надежно. И вообще подберите этому человеку несколько ходовых образов, которые он в случае необходимости мог бы менять как перчатки. На этом пока все, Сосо, вперед, потому что время не ждет...

Шестьсот тринадцатый день в мире Содомы. Утро. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь Артанский.

Отправив Сосо на комиссию, я вернулся к вопросу рабочего соглашения. Поскольку прочие мои гости ни разу не относились к категории властителей, то и поселили их в Башне Мудрости по соседству с Птицей и ее гавриками.

Еще с вечера с помощью Мэри, которая всегда знает, «сколько вешать в граммах», им удалось утрясти основные положения разрабатываемого документа. Но первым делом, просмотрев черновик, который перед переговорами набросал товарищ Стопани, я вычеркнул оттуда наиболее провокационные политические моменты, излагая свое мнение по пунктам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.